

АРТЁМ МОНИН

ВОЛЬТ

РОМАН

Расширенная версия

Артём Монин

Вольт - Расширенная версия

«Автор»

2026

Монин А.

Вольт - Расширенная версия / А. Монин — «Автор», 2026

Расширенная версия — это особое издание книги, в которое вошли новые рассказы, раскрывающие мир вокруг главного героя: читатель увидит события глазами Насти и Влада, узнает, как проводят свои дни самые близкие люди Вольта. А в конце книги вас ждёт масштабный приквел «Мир ДО перемен», созданный специально для этого издания. Он расскажет, как Артефакт, подаривший Саше его силу, оказался на Земле: история погибшей планеты Эмилд, мирного народа эмильцев, тирана Тейвала и хранителя Вероса, ценой жизни отправившего древнюю реликвию к звёздам. Это история о том, как самый незаметный мальчишка становится грозой города, — и о том, что за каждой великой силой стоит своя, порой трагическая, история.

© Монин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Содержание	6
Глава 1. Одиночество	7
Глава 2. Приезд в Москву	11
Глава 3. Трансформация	15
Глава 4. Конец экскурсии и возвращение в Новоград	18
Глава 5. Новая жизнь	22
Глава 6. Геройство	25
Настя. Обычный день	28
Настя. Случай в торговом центре	29
Глава 7. Сотрудничество	30
Глава 8. Против них	33
Глава 9. Первая масштабная угроза	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Артём Монин

Вольт - Расширенная версия

ВОЛЬТ

Расширенная версия

Фантастический роман

Автор: Артём Монин

Новоград

2026

О расширенной версии

В расширенную версию входит множество всего нового. Здесь не просто исправленный текст — это дополненная версия книги, в которое добавлены несколько новых рассказов, раскрывающих мир вокруг главного героя. Эти вставки дают возможность увидеть события не только глазами Саши, но и глазами тех, кто рядом с ним. Вы сможете узнать, о чём думают и как проводят свои дни те, кого Вольт защищает, — и это делает историю более объёмной, живой и настоящей.

Также в это издание включён масштабный приквел, созданный специально для расширенной версии. Он называется «Мир ДО перемен: одна короткая история» и даёт полную предысторию перед основной историей Вольта. Этот приквел рассказывает о том, откуда на самом деле появился Артефакт, подаривший Саше его невероятные способности. Действие разворачивается в галактике Сфера 821, на планете Эмилд — мире, который погиб, чтобы родилась новая надежда. Вы узнаете о прекрасном и мирном народе эмильцев, о тиране по имени Тейвал и о хранителе Веросе, который ценой собственной жизни отправил Артефакт через космос к далёкой планете Земля.

Этот приквел рекомендуется к прочтению всем, кто хочет понять больше о мире, в котором живёт Вольт, узнать его истоки и увидеть полную картину вселенной, скрытую за страницами основной книги. Лор мира становится значительно глубже, объёмнее и интереснее, когда вы узнаете, какая история стоит за самой важной находкой в жизни Саши.

Читать вам, решать вам, но рекомендуем к прочтению — расширенная версия была сделана с большой любовью к миру Вольта, чтобы подарить читателю более полное и глубокое погружение в эту вселенную. Приятного чтения!

Содержание

Глава 1. Одиночество	
Глава 2. Приезд в Москву	
Глава 3. Трансформация	
Глава 4. Конец экскурсии и возвращение в Новоград	
Глава 5. Новая жизнь	
Глава 6. Геройство	
Настя. Обычный день	
Настя. Случай в торговом центре	
Глава 7. Сотрудничество	
Глава 8. Против них	
Глава 9. Первая масштабная угроза	
Глава 10. Письмо от неизвестного	
Глава 11. Взрывы в ЖК Жемчужина	
Глава 12. В поисках злодея	
Глава 13. Битва Огненного Всадника и Вольта	
Глава 14. Спасение	
Глава 15. В поисках новых угроз	
Глава 16. Вторая встреча	
Глава 17. Против врагов города	
Влад. Обычный день	
Глава 18. Дискотека в клубе	
Глава 19. Страдание	
Глава 20. Предфинал	
Глава 21. Финальное сражение	
Мир ДО перемен: одна короткая история (приквел)	
Пролог. Пепел	
Глава 1. Золотая колыбель	
Глава 2. Двенадцать родов	
Глава 3. Гость	
Глава 4. Молния в ночи	
Глава 5. Совет старейшин	
Глава 6. Волк и его стая	
Глава 7. Урок забытого ремесла	
Глава 8. Первый рассвет	
Глава 9. Осада	
Глава 10. Последний штурм	
Глава 11. Хранитель	
Глава 12. Пламя портала	
Глава 13. Пепел и легенда	
Эпилог. Звезда упала на Землю	

Глава 1. Одиночество

Осень в Новограде была особенной — ни на какую другую не похожей. Огромный город, в котором жило почти четырнадцать миллионов человек, раскинулся по обоим берегам широкой, неторопливой реки и тянулся на десятки километров во все стороны, поглощая пригороды, посёлки и старые дачные массивы. Днём проспекты задыхались от машин и автобусов, вечером в миллионах окон загорался тёплый жёлтый свет, а глубокой ночью город будто выдыхал и замирал, тяжело и устало, только для того, чтобы с первыми лучами солнца снова ожить, загудеть и понестись по своим бесконечным делам. Здесь было легко затеряться. Очень легко — легче, чем где бы то ни было: утонуть в толпе, раствориться в потоке чужих лиц, стать незаметным среди асфальта, стекла и неоновых вывесок. И шестнадцатилетний Александр Иванов знал это лучше, чем кто-либо другой во всём Новограде. Он был настоящим экспертом по одиночеству, хотя никогда не просил об этом звании и никому бы его не отдал.

Дом Саши стоял на самой окраине Новограда — старенькая девятиэтажка из облупившегося серого кирпича, окружённая такими же серыми близнецами, заросшими дворами с ржавыми качелями и чахлыми тополями, с которых срывался и кружился по асфальту последний жёлтый лист. Школа находилась через два квартала — пятнадцать минут неспешного шага по прямой, мимо продуктового ларька, гаража-ракушки и вечно мокрой лужи у перехода. Каждое утро Саша проделывал этот путь один. Всегда один: ни соседа по парте рядом, ни приятеля, с которым можно перекинуться парой слов, никого, кто придержал бы ему дверь или незаметно подтолкнул локтем. Он привык к этому одиночеству, как привыкают к скрипу половицы или к шуму трассы за окном, — хотя на самом деле привыкнуть было невозможно. Просто человек ко всему приспосабливается, даже к пустоте, а Саша приспосабливаться умел давно и хорошо. Утро, дорога, звенящая тишина вокруг, одинокая парта в углу, такой же одинокий путь домой — всё это складывалось в один и тот же, до боли знакомый узор.

Шестнадцать лет — возраст, когда жизнь, по всем правилам, должна быть распахнута настежь: друзья, звонкий смех на переменах, планы на будущее, первые влюблённости, секреты на ухо и долгие разговоры ни о чём. Но жизнь Саши была совсем иной. Не то чтобы плохой — нет, ничего страшного в ней не происходило, его не били, не унижали дома, он был сыт, одет и не голодал. Просто пустой. Пустой в том смысле, в каком бывает пустой дом, в котором никто по-настоящему не живёт: мебель на месте, посуда в шкафах, а в комнатах всё равно гуляет сквозняк. Так и в душе у Саши гулял сквозняк. Он смотрел на одноклассников, которые обнимались, ссорились и мирились, делили наушники, списывали друг у друга, ходили в гости, — и не понимал, каково это. Всё, что другим доставалось само собой, без всяких усилий, для него было закрытой дверью, к которой он так и не нашёл ключа.

Саша не помнил своих настоящих родителей. Совсем: ни лиц, ни имён, ни голосов, ни даже смутного ощущения родного тепла, к которому хочется прижаться. Он не знал, почему однажды оказался один, кто его оставил и была ли у него когда-нибудь мать, державшая его на руках. Его детство прошло в детском доме — большом казённом здании с длинными, пахнущими хлоркой коридорами, где всё — кровати, шкафы, игрушки, даже зубные щётки в стаканчиках — было общим и одновременно ничьим. С самого раннего возраста Саша усвоил простую и горькую правду, которая въелась в него, как въедается запах в старую одежду: у него нет никого. Никого, кто пришёл бы на родительское собрание. Никого, кто ждал бы его после уроков у ворот. Никого, кто обнял бы на ночь, укрыл одеялом потеплее и тихо сказал на ухо: «Всё будет хорошо, сынок. Я рядом». Того, кто произнёс бы эти слова, в его жизни просто не существовало.

Он научился не плакать давно — ещё в детдоме, когда другие ребята один за другим разъезжались по семьям. Саша стоял у окна спальни, прижимаясь лбом к холодному, запотев-

шему стеклу, и смотрел, как счастливики уходят в новую жизнь: держат за руки незнакомых женщин и мужчин, которые смеются и гладят их по головам, сажают в разноцветные машины, машут на прощание. Он ждал. Год за годом, из класса в класс, из комнаты в комнату. Каждый раз, когда в детдом приезжали новые люди, у него внутри что-то замирало и затаивало дыхание: может, теперь? Может, за мной? Но время шло, и его чудо всё не случалось. Он перестал считать, сколько раз смотрел в окно, как уезжают другие, — и однажды поймал себя на том, что больше не подходит к подоконнику. Не было смысла. Чуда для него, видимо, не припасено. И всё же — где-то очень глубоко, задавленное, но живое, — что-то продолжало ждать.

И всё-таки, когда Саша уже почти перестал надеяться, когда решил, что он, наверное, никому не нужен и так и уйдёт из детдома один, — чудо произошло. Его взяли в семью. Приёмные родители — добрая женщина с мягким, ласковым голосом, которую Саша вскоре начал называть мамой, и спокойный, надёжный, немногословный мужчина, ставший ему отцом, — приехали за ним в один из самых обычных вторников, когда на улице моросил мелкий дождь, и забрали его в свой дом, в свою жизнь, в свою семью. Саша помнил этот день до секунды: как мама, всё ещё примеряя это слово, как примеряют слишком большую куртку, взяла его за руку, как отец пожал ему плечо, как в машине пахло кожей и кофе. Он помнил, как хотелось плакать, — но он давно разучился плакать при людях. Вместо этого он молча смотрел в окно машины, на уплывающие назад серые стены детского дома, и не верил, что они действительно уезжают вместе.

Саша был благодарен им всем сердцем — той тихой, горячей благодарностью, которую носят молча и не выставляют напоказ. Они дали ему то, чего он долгие годы был лишён: свой угол, тёплую кровать с настоящим одеялом, накрытый стол, вечерние разговоры за ужином, вопросы о школе, к которым он совсем не привык, — а главное, чувство, что он кому-то нужен. Он любил их по-настоящему, глубоко и искренне, как не любил ещё никого в жизни. За еду, за заботу, за то, что его не бросали, когда он молчал, за терпение к его тишине. Но годы, проведённые в детском доме, оставили в его душе такой глубокий след, что никакая забота не могла залечить его до конца. След этот не болел — он просто был. Как шрам, который давно затянулся, но напоминает о себе в ненастье. И Саша носил его в себе, не показывая никому, даже тем, кто любил его больше всех на свете.

Саша вырос замкнутым. Тихим. Таких детей обычно называют удобными: не мешает, не шумит, не спорит, сидит в своём углу и молчит. Он боялся подходить к людям первым — слишком хорошо помнил, каково это, когда тебя отталкивают, пусть даже молча, пусть даже невзначай. Помнил чужие спины, чужие полные руки, чужие семьи, в которых ему не было места. Он не умел заводить друзей: не знал, с чего начать разговор, как поддержать шутку, когда можно улыбнуться, а когда лучше промолчать. Поэтому молчал там, где другие смеялись и болтали без умолку. В классе его не замечали — и это было почти облегчением. Затеяться в толпе он умел виртуозно: Саша словно надел шапку-невидимку, сшитую из собственной тишины, и носил её, не снимая, даже когда очень хотелось снять. Иногда, придя домой, он подолгу стоял перед трюмо и отрабатывал перед зеркалом приветливое выражение лица — «привет, как дела», — но у зеркала всё выходило, а вживую язык снова прилипал к нёбу.

В школе он был одиночкой, и одиночество это имело две стороны. С одной стороны — пустота: с ним никто не дружил, никто не звал гулять, никто не садился рядом в столовой, никто не списывал у него домашку. Одноклассники смотрели сквозь него, будто он был частью мебели, — и в этой невидимости было даже что-то уютное. Но иногда — хуже того — его замечали, и замечали только для того, чтобы обидеть. Одноклассники постоянно провоцировали его: то толкнут в коридоре, и он ударится плечом о стену, то спрячут рюкзак, и он обшмет полшколы, то шепчутся у него за спиной и громко, зло смеются, когда он проходит мимо, делая вид, что не слышит. Саша слышал. Всегда слышал, но шёл дальше, сжимая зубы и глядя

прямо перед собой, — и от этого взгляда, устремлённого в одну точку, у него к вечеру болели глаза и голова.

Саша терпел. Научился терпеть давно — ещё в детском доме, где жаловаться было некому и незачем. Правила, которые он выучил наизусть ещё в семь лет, работали безотказно: не показывай, что тебе больно; не отвечай, когда дразнят; не беги за защитой — всё равно никто не поможет, а смеяться будут ещё громче. Он никогда не жаловался учителям, никогда не плакал при всех, никогда не просил о помощи. Дома приёмным родителям он тоже ничего не рассказывал — боялся расстроить их, боялся, что они решат, будто он сам виноват, что с ним что-то не так. Пусть лучше думают, что у него всё хорошо. Пусть лучше не знают. Так было безопаснее — и для них, и для него самого. За ужином он улыбался, рассказывал что-то нейтральное про уроки, а внутри, под этой улыбкой, всё леденело от привычной, с детства знакомой тяжести.

К сожалению, он так и не застал того времени, когда можно было с кем-то дружить по-настоящему: возвращаться вместе из школы, делить на двоих бутерброд, сидеть на лавочке до темноты и хохотать над глупыми шутками, которые смешны только вам двоим. Дружба для него оставалась чем-то далёким, почти сказочным — как дракон или летающий ковёр. Она существовала где-то там, у других, у тех, кому повезло больше. Саша смотрел на счастливицков со стороны, как смотрят на витрину магазина, за стеклом которой лежат красивые вещи, тебе не предназначенные. Часто он стоял у окна школьного коридора на третьем этаже и глядел вниз, во двор. Одноклассники гоняли мяч, смеялись, обнимались за плечи, делили угощение. Он смотрел и молчал. Ему казалось, что он неудачник, что с ним что-то не так, раз даже самые простые человеческие радости обходят его стороной. Иногда хотелось подойти и просто сказать: «Привет, как дела?» — но язык не слушался, а ноги сами несли его прочь, в сторону, подальше от людей.

Но где-то глубоко внутри, под слоем неуверенности и одиночества, — там, куда не дотягивались ни насмешки, ни чужие взгляды, — в Саше всё же жила мечта. Он никому о ней не рассказывал, даже приёмным родителям: боялся, что над ней посмеются или, хуже того, пожалеют. А мечтал он об одном — измениться. Стать другим: смелым, сильным, нужным. Мечтал помогать людям, делать что-то по-настоящему важное, чтобы однажды его заметили — не для того, чтобы посмеяться, а для того, чтобы сказать спасибо. В этой мечте он был не тихим мальчиком у окна, а кем-то значительным, тем, на кого можно положиться, к кому идут за помощью, чьё имя произносят с уважением. Он не знал ещё, как это произойдёт. Не знал, где возьмёт смелость и силы. Но всей душой, каждой клеточкой своего тихого одинокого сердца верил: однажды его жизнь перевернётся. Он только не догадывался, как скоро и как невероятно это случится.

И однажды — так и случилось. В Новоград приехали работники ИНТЕХГЕН — так сокращённо называли Институт Технологических и Генетических Модификаций, один из самых засекреченных научных центров страны, расположенный в Москве, о котором почти никто ничего толком не знал: ни чем там занимаются, ни что происходит за его стенами, ни почему вокруг него столько тишины и охраны. В школах города отбирали нескольких ребят, чтобы провести для них экскурсию по институту. Для школьников это была большая честь и невероятная удача — попасть туда мечтали многие, а попадали единицы. Коридоры гудели от разговоров: кто поедет, кого выберут, что там покажут. Саша даже не надеялся. Он давно усвоил, что его никуда не выбирают, — и когда учительница зачитала список счастливицков, стоял у окна и даже не слушал. Зачем? И вдруг до него донеслось его собственное имя: «Иванов Александр». Он не поверил. Обернулся, переспросил, глядя на учительницу. И когда она подтвердила, кивнув и улыбнувшись, сердце его забилося так, что заглушило, казалось, весь гомон класса. Ему повезло. Впервые в жизни удача улыбнулась именно ему — и от этого на душе сделалось тепло и немного тревожно одновременно.

Прошло время, и наступил день отъезда. Ребята собрались около большого белого автобуса, который должен был увезти их в Москву, туда, где находился ИНТЕХГЕН. Стоял тёплый осенний день: солнце просвечивало сквозь жёлтую листву, школьники гомонили, обменивались впечатлениями, кто-то фотографировался на память, кто-то обнимался с родителями, смеялся, махал руками. А Саша молча стоял в стороне, сжимая в руках небольшую дорожную сумку, и боялся поверить в то, что это происходит с ним. Он смотрел на автобус, на его чистые белые бока, на синюю полосу вдоль борта и никак не мог привыкнуть к мысли: это правда, я еду. Наконец все расселись, двери с шипением закрылись, мотор заворчал — и Новоград начал медленно уплывать за окном. Саша прижался лбом к прохладному стеклу и смотрел, как мимо проплывают дома, мосты, широкие проспекты, как остаются позади привычные кварталы. Он смотрел на уплывающий город и мечтал. Мечтал измениться. Мечтал помогать людям. Мечтал, что однажды станет кем-то, кем можно по-настоящему гордиться. Он не знал, что совсем скоро его мечты начнут сбываться самым невероятным образом. И что его жизнь уже никогда, никогда не будет прежней.

Глава 2. Приезд в Москву

Дорога до Москвы была долгой — почти сутки в пути, двадцать с лишним часов, в течение которых автобус мерно гудел, покачивался на стыках асфальта и упрямо полз вперёд по бесконечной трассе, рассекая холодный ноябрьский воздух. За окном нескончаемой лентой сменялись пейзажи: бескрайние поля, спокойные перелески, маленькие полустанки с обветшалыми вокзальчиками и одинокими скамейками, встречные поезда, проносящиеся мимо с глухим грохотом и размытой полосой тёплых окон. Саша почти всю дорогу просидел у окна, прижимаясь щекой к прохладному стеклу. Он никогда раньше не выезжал из Новограда, и всё вокруг казалось ему удивительным, новым, почти инопланетным. Он смотрел на мир, который до сих пор знал только по картинкам в учебниках, по кадрам из кино и по скучным рассказам учителей, — и не мог насмотреться, боялся моргнуть и что-то пропустить. Даже обычная корова у обочины, даже ветряк на холме, даже дым над дальней деревней — всё это было чужим, иным, волшебным, и Саша жадно впитывал каждую деталь, будто заранее знал, что больше ему такой возможности не выпадет.

Где-то на середине пути в автобусе стало тихо. Ребята устали болтать, выдохлись от игр на телефонах и перекрикиваний через проход: кто-то уснул, уткнувшись лицом в плечо соседа, кто-то натянул капюшон и надел наушники, кто-то просто молча смотрел в окно, как и Саша. А он не спал. Спать он не мог — слишком уж колотилось сердце, слишком много мыслей кружилось в голове, одна другой громче. Он смотрел на дорогу, на тёмнеющее небо, на первые робкие звёзды, проступавшие одна за другой, и думал о том, что ждёт его впереди. Мысли путались, сердце то замирало, то начинало биться чаще и громче, как будто внутри поселился маленький барабанщик, которому не сидится на месте. Он ехал в Москву. Он ехал в институт, о котором никто толком ничего не знал. Туда, где вместо обычных стен — стекло, металл и засекреченные лаборатории, о которых можно только догадываться. От этой мысли по спине пробежал холодок: страшно — и до дрожи любопытно одновременно. Один-единственный выбор учительницы, один листок со списком — и вся его тихая, однообразная жизнь вдруг свернула на неизвестную дорогу.

Наконец автобус остановился — мягко, со вздохом тормозов, будто выдохнул и сам, будто и он устал от бесконечной дороги. Москва встретила их шумом, светом и огромными зданиями, уходящими прямо в небо, в серую дымку облаков. Ребята высыпали на улицу и растерянно замерли, оглядываясь по сторонам, прикрывая глаза ладонями от непривычной яркости. Город был настолько большим, что у Саши захватило дух, — ему показалось, что он стоит на дне глубокого каменного ущелья, где нет ни верха, ни низа. Здесь всё двигалось одновременно: машины, люди, облака, неоновые вывески, даже тени — всё куда-то спешило, текло, переливалось, звенело и гудело. Саша почувствовал себя совсем маленьким — песчинкой среди миллионов таких же песчинок, которых несёт поток, не спрашивая, хотят ли они плыть. Он стоял, задрав голову, и не мог поверить, что этот город, эти стеклянные башни, эти светофоры и фонари — всё это настоящее, всё это существует на самом деле, а не только в фильмах, которые он смотрел в одиночестве дома на старом телевизоре.

Всех поселили в уютный отель неподалёку от центра — не слишком роскошный, но чистый и светлый, с мягким ковром в коридорах, с запахом кофе, тянувшимся из холла, и с вежливой женщиной за стойкой, которая улыбнулась Саше, когда выдавала ему ключ. Он взял ключ, поднялся на этаж, зашёл в свой номер — и несколько минут просто стоял посреди комнаты, не веря своим глазам. У него никогда не было собственной комнаты в гостинице — тем более такой. Он осторожно потрогал кровать, провёл ладонью по чистому белому белью, удивляясь его прохладной, крахмальной свежести, выглянул в окно, за которым загорались огни вечерней Москвы: тысячи, миллионы огоньков, разбегающихся в темноту, как светящи-

еся муравьи, — и улыбнулся. Впервые за долгое, очень долгое время ему захотелось улыбаться, просто так, без повода. Он лёг на кровать, раскинув руки, и долго смотрел в незнакомый потолок, прислушиваясь к далёкому гулу города за окном, не в силах уснуть от переполнявших его чувств: радости, удивления, предвкушения и лёгкого, щекочущего страха перед завтрашним днём. Утром всё начнётся по-настоящему.

Новый день начался с новых возможностей. Рано утром все собрались, умылись, спустились в холл, позавтракали и вышли из отеля — на улице было свежо и солнечно, воздух пах осенью, разогретым асфальтом и листвой. Сев в автобус, группа отправилась туда, ради чего всё и затевалось, — в ИНТЕХГЕН, Институт Технологических и Генетических Модификаций. Воздух в салоне звенел от предвкушения: ребята перешёптывались, гадали, что увидят, спорили о том, каким окажется институт, — обычным зданием с табличкой у входа или чем-то секретным, как в шпионских фильмах. Кто-то уверял, что там покажут настоящих роботов, кто-то — что просто поведут по кабинетам и покажут старые микроскопы. Саша молчал, но слушал и впитывал каждое слово, запоминая всё, как губка, хотя сам не знал, зачем ему это. Он смотрел в окно, и с каждым километром, с каждым поворотом дороги сердце билось всё быстрее, а ладони становились всё более влажными, хоть он и старался не думать о том, что ждёт его в конце пути.

Институт находился за пределами города, в стороне от шумных улиц, среди густого зелёного леса, сквозь который вилась узкая асфальтовая дорога. Когда автобус подъехал ближе, Саша прижался к окну и не поверил своим глазам: перед ними выросло огромное здание из стекла и металла, похожее на что-то из фантастического фильма, — угловатое, стремительное, будто взлетающее вверх, будто готовое сорваться с места и умчаться в небо. Оно вздымалось над верхушками деревьев, сверкая на солнце тысячами граней, переливаясь то синим, то серым, то серебристым, и казалось, что внутри него кипит какая-то таинственная, невидимая жизнь. Даже воздух вокруг словно дрожал от скрытой энергии, как дрожит воздух над нагретым асфальтом. Саша почувствовал, как по коже побежали мурашки. Он замер, прижавшись лбом к стеклу, и смотрел, не в силах оторваться, пока автобус медленно въезжал на территорию института, мимо высокого забора, строгих будок охраны, шлагбаумов и камер, следящих за каждым движением.

Все вышли и направились к входу. Саша шёл медленно, задрав голову, и рассматривал здание, выискивая взглядом детали: как на солнце переливаются стеклянные панели, как между этажами бесшумно скользят кабины лифтов, как охранники в чёрной форме строго проверяют пропуска. Внутри было ещё удивительнее: прозрачные лифты, поднимающиеся по шахтам, светящиеся панели на стенах, голографические экраны с парящими в воздухе изображениями, роботы, бесшумно разъезжающие по коридорам и вежливо объезжающие людей. Саша смотрел на всё это и был в полном шоке от экспериментальных технологий, от этого невероятного сплава будущего и настоящего. Он и представить не мог, что такое вообще существует на свете. Казалось, он попал не в институт, а на другую планету, — и голова шла кругом, а руки тянулись потрогать всё сразу. На миг он даже забыл, что приехал сюда как на обычную школьную экскурсию, и почувствовал себя исследователем, ступившим на незнакомую землю.

Экскурсия продолжалась. Группа шла по длинным коридорам, слушала рассказы экскурсовода о научных разработках — о генетике, о новых материалах, о приборах, которых не найти ни в одном магазине, — и разглядывала лаборатории через огромные стеклянные стены, за которыми сновали люди в белых халатах среди приборов, колб и мерцающих мониторов. Саша то и дело отставал — ему было интересно всё: и как устроен голографический стол, вокруг которого вращались трёхмерные схемы, и что за жидкости переливаются в высоких колбах — зелёные, синие, янтарные, — и куда ведут бесконечные двери с кодовыми замками и красными огоньками датчиков. Он задерживался у каждого стекла, разглядывал, прижимался носом к панелям, а потом догонял группу почти бегом, неловко извиняясь и натыкаясь на удивлённые

взгляды. Он не мог иначе: ему хотелось узнать всё, увидеть всё, понять всё — даже если на это не хватит и целого года. Чужие двери с кодовыми замками почему-то особенно притягивали его взгляд, заставляя сердце биться чуть быстрее.

В какой-то момент он засмотрелся на необычный светящийся аппарат — незнакомый, пульсирующий мягким голубым светом, похожий на живое существо, — отстал от коллектива, а когда наконец поднял голову, группы уже не было видно. Саша растерялся. Коридор перед ним разветвлялся на три стороны, гул голосов и шаги стихли где-то далеко, за поворотом, который он не успел запомнить. Сердце тревожно ёкнуло: он заблудился в чужом, огромном, незнакомом здании, напичканном секретами и охраной, где каждая дверь может оказаться запретной. Он зашёл в первый попавшийся лифт и по случайности, не глядя, нажал на одну из кнопок — самую невзрачную, без всякой надписи, почти сливающуюся с панелью. Лифт мягко поехал вверх, с тихим гудением, и остановился на каком-то незнакомом этаже. Саша вдохнул поглубже, шагнул вперёд — и двери закрылись за ним с мягким шипением. Он ещё не знал, что эта случайная кнопка ведёт его к самому главному событию в его жизни.

Двери открылись. Коридор был почти пустой, тускло освещённый, с приглушённым светом редких ламп, и в самом его конце Саша увидел массивную дверь — не такую, как остальные, а какую-то особенную: бронированную, тяжёлую, с панелью для кода и маленьким красным огоньком датчика, который мигал ровно и неприветливо, словно предупреждал: сюда нельзя. Прямо в эту секунду дверь открылась, и оттуда вышел человек в белом халате с каким-то прибором в руках — блестящим, с кнопками и экраном, — тихо прошёл мимо и скрылся за поворотом, даже не взглянув на Сашу. Саша замер, прижавшись спиной к стене, боясь дышать. Ему стало невероятно интересно: что там, за этой дверью? Почему она такая необычная, такая охраняемая? Почему оттуда выходит человек в белом халате, а не обычный сотрудник, каких он видел в коридорах? Вопросы один за другим вспыхивали в голове, как искры, и на каждый хотелось ответить немедленно. Забытый страх потеряться куда-то отступил перед этим жгучим, почти болезненным любопытством.

Но тут откуда-то издалека донеслись голоса — экскурсия возвращалась, и гул приближался с каждой секундой, с каждым шагом. Саша вздрогнул, очнулся, поспешил обратно к лифту, успел незаметно влиться в группу — и его никто не хватил, никто даже не посмотрел в его сторону. Однако мысль о той двери больше не выходила у него из головы. Она будто приклеилась к нему, вцепилась в воображение и не отпускала: ни когда группа слушала про генетические исследования, ни когда ребята фотографировались у входа, ни когда автобус вёз их обратно в отель. Весь оставшийся день он думал о ней — о тяжёлой бронированной двери с мигающим красным огоньком — и каждый раз, как вспоминал, сердце начинало биться быстрее, а в груди поднималась тёплая волна нетерпения. Он плохо помнил, что ел на ужин и о чём говорили ребята. Перед глазами стояла только она — незнакомая, молчаливая, полная тайны, которая звала его к себе.

Экскурсия длилась три часа — и за эти три часа Саша почти ничего не запомнил из того, что показывали экскурсоводы, потому что все его мысли были заняты одной-единственной дверью. Вечером все вернулись в отель и разошлись по номерам. Саша сидел на кровати, смотрел в потолок и думал. Он не мог выбросить из головы ту дверь. Что там? Почему туда не пускают обычных посетителей? Кто и что там прячет? Саше было очень сильно любопытно, а любопытство, как известно, — сильное чувство, одно из самых сильных на свете, сильнее страха и усталости. Оно может привести человека и к великим открытиям, и к большим бедам, — всё зависит от того, куда оно толкнёт. Саша не знал, куда оно приведёт его, — но знал точно, что просто так сидеть и ждать он больше не может. Что-то внутри него, тихое и упрямое, изо дня в день подталкивало его вперёд, к ответам, к той двери, к тому, что за ней.

И он решил разработать план, как туда проникнуть. Лёжа в темноте, с открытыми глазами, он прокручивал в голове варианты один за другим: как незаметно отстать от группы, по

какой лестнице или лифту добраться до нужного этажа, чтобы никто не заметил, как вести себя, если его поймут, что говорить, если кто-нибудь спросит, зачем он здесь. Он проигрывал каждую деталь снова и снова, до последнего шага, до последнего вздоха, пока не выучил свой план наизусть, как выучивают наизусть стихотворение перед уроком. Он даже не подозревал, чем обернётся его любопытство, — и уж точно не подозревал, что ответы на все его вопросы уже ждут его, не за дверью, а в маленьком квадратном артефакте, о котором он пока не знал ни имени, ни предназначения, ни того, какую невероятную силу он несёт в себе. План был готов. Оставалось только дожидаться утра, — и Саша, наконец, закрыл глаза, чтобы встретить новый день, который разделит его жизнь надвое.

Глава 3. Трансформация

Начался следующий день, и Саша открыл глаза ещё до того, как зазвонил будильник. Мысль о той загадочной двери не давала ему покоя всю ночь: она то появлялась перед ним в темноте — тяжёлая, бронированная, с красным огоньком, — то растворялась, оставляя после себя щекочущее беспокойство, от которого ворочался с боку на бок. Он встал раньше всех в номере, тихо, стараясь не разбудить соседей, умылся холодной водой, почистил зубы, позавтракал внизу, почти не чувствуя вкуса еды, и стал собираться. Руки слегка дрожали, когда он застёгивал молнию на куртке, но он твёрдо решил: сегодня он снова попробует туда попасть, чего бы это ни стоило. Ночью он почти не спал — ворочался, прокручивал в голове детали, — но странное дело: усталости не чувствовал. Вместо неё внутри бурлила решимость, смешанная со страхом, и эта смесь гнала его вперёд, как попутный ветер гонит парусник, не спрашивая, готов ли тот к плаванию.

Все снова собрались около автобуса — такие же сонные, вчерашние, со вчерашними разговорами и вчерашними шутками, с теми же телефонами в руках. Саша сел у окна, на то же место, что и вчера, прижался лбом к прохладному стеклу и, пока автобус ехал в сторону института, смотрел на пролетающие мимо пейзажи — но не видел их, не замечал ни леса, ни деревень, ни встречных машин. Все его мысли были заняты планом: как незаметно отстать от группы, в какой именно момент свернуть к лифту, как вести себя, если его заметят, что ответить, если кто-то окликнет. Сердце от волнения колотилось где-то у самого горла, ладони потели, он то сжимал, то разжимал кулаки, стараясь держать себя в руках, чтобы никто не заметил его странного, напряжённого состояния, чтобы никто не спросил, всё ли с ним в порядке. Он очень хотел узнать, что скрывается за той дверью, — хотел так сильно, что почти забыл о страхе. Почти.

По дороге автобус остановился у небольшой деревни, притулившейся к самой трассе, и ребятам дали немного времени размяться, пройтись, размять затёкшие ноги на траве, вдохнуть свежего воздуха. Саша купил мороженое в маленьком ларьке — холодное, сладкое, тающее на языке, — и съел его, глядя на деревенские домики с покосившимися заборами и старыми яблонями, на кур, копошащихся у крыльца, на бабушку, сидевшую на лавочке с рыжим котом на коленях. Это был маленький островок спокойствия перед тем, что должно было случиться: вкус холодного мороженого, утренняя тишина, запах травы и солнца, редкое сонное тьяканье собаки где-то за домами. Саша даже не знал, что видит это место в последний раз спокойным человеком, что через несколько часов его жизнь расколется надвое — на «до» и «после», и обратной дороги уже не будет. Он доел мороженое, вытер руки о джинсы и забрался обратно в автобус, не подозревая, что это его последние спокойные минуты на долгие годы, — а может быть, и навсегда.

Через час они снова были у института — огромного, сверкающего, неприступного среди векового леса, который стеной обступал его со всех сторон. Все вышли и направились к входу, и Саша почувствовал, как сердце подпрыгнуло и забилось чаще: вот оно, всё повторяется, но сегодня всё будет по-другому. Экскурсия началась, и Саша снова, как и в прошлый раз, стал потихоньку отставать от коллектива. Он делал вид, что рассматривает экспонаты, подолгу замирал у витрин, замедлял шаг, пропускал группу всё дальше и дальше вперёд. Он нарочно отводил глаза, когда кто-нибудь оборачивался, делал равнодушное лицо, будто ему просто интересна какая-то техническая деталь на стене, а не сама по себе экскурсия. Когда группа свернула за угол и голоса стихли, он на мгновение задержался у светящейся панели, прислушался — и, убедившись, что его никто не видит, шагнул в сторону лифта. Руки дрожали, но ноги несли его сами, будто знали дорогу лучше, чем он сам.

Сердце колотилось так громко, что, казалось, его слышно в коридоре, — глухими ударами отдавалось в ушах, как тяжёлый барабан, и Саше чудилось, что вот-вот кто-то выйдет из-за угла и спросит, что он здесь делает. Он нажал на кнопку вызова, лифт дёрнулся и плавно поехал вверх, и каждая секунда этого короткого подъёма растягивалась в вечность, до боли долгую и тревожную. Двери открылись на том самом этаже — тусклый свет, тишина, длинный пустой коридор, пахнувший пылью и озоном. Саша вышел из лифта, неслышно ступая по плитке, и увидел в конце коридора ту самую дверь — бронированную, тяжёлую, с панелью для кода и красным мигающим огоньком. Но около неё стоял человек в форме работника института — высокий, в белом халате поверх тёмной одежды. Саша замер, вжавшись в стену, боясь дышать, боясь, что его заметят, боясь, что всё сорвётся в последний момент. А работник, не оглядываясь, уверенно набрал на панели четырёхзначный код, дверь мягко открылась с тихим щелчком, и он скрылся внутри.

Саша затаил дыхание и запомнил код — цифры отпечатались в его памяти, будто их выжгли огнём: он повторял их про себя снова и снова, одними губами, боясь забыть, боясь перепутать хоть одну. Он подождал, прислушиваясь к тишине, пока шаги работника не стихли где-то глубоко внутри, за дверью. Потом медленно, осторожно, стараясь ступать как можно тише, подошёл к двери, оглянулся по сторонам — пусто, никого — и дрожащими, непослушными пальцами набрал код. На секунду ему показалось, что ничего не произойдёт, что он ошибся, что сейчас завоет сирена и прибегут охранники, — но раздался тихий щелчок, красный огонёк сменился зелёным, и дверь, мягко и почти беззвучно, уехала в сторону. Перед ним открылась темнота и запах холодного металла. Саша сделал глубокий вдох, переступил порог и шагнул внутрь — в неизвестность, за которой не будет возврата.

Внутри было темно и прохладно — холодный, машинный воздух с металлическим привкусом осел на лёгких, заставив вздрогнуть и поёжиться. Саша шагнул вперёд — и замер в полном шоке, прижав ладонь ко рту, чтобы не вскрикнуть. Помещение было заставлено странными электрическими трубами, опутанными проводами, какими-то установками непонятного назначения, стеллажами с оружием, похожим на что-то из далёкого будущего: гладкие чёрные корпуса, светящиеся разъёмы, прицелы с миниатюрными экранами. А между всем этим стояли прозрачные колбы с мелкими пузырьками, всплывающими в переливающейся жидкости — зелёной, голубой, янтарной, — и казалось, что внутри колб варится какая-то волшебная энергия. Всё гудело и потрескивало, как будто здесь дышала сама энергия, протекала по трубам, как кровь по жилам живого организма. Воздух был резким, свежим, щиплющим нос — пахло озоном, как после грозы. Саша стоял, не дыша, и боялся пошевелиться, боялся, что любой звук выдаст его.

Саша пошёл дальше, осторожно, на цыпочках, оглядываясь по сторонам, стараясь ничего не задеть локтями и коленями. Всё вокруг светилось и переливалось: панели на стенах мягко пульсировали, экраны на приборах тихо мерцали в темноте, в колбах лопалась и всплывала пена пузырьков, издавая едва слышное шипение. Один прибор особенно привлёк его внимание — незнакомый, с вращающимися деталями и светящимся ядром внутри, похожий на живое существо, запёртое в стеклянную клетку. Саша протянул руку, чтобы рассмотреть его поближе, коснуться гладкой поверхности, — и по случайности задел небольшой рычаг на стене. Он был таким незаметным, серым, сливающимся со стеной, что Саша даже не заметил его, пока не услышал тихий щелчок под пальцами. Что-то пришло в движение. Где-то глубоко внизу, под полом, заурчало, загудело, и всё помещение наполнилось низким, нарастающим гулом, от которого завибрировали колбы на стеллажах. Саша отшатнулся, но было поздно: механизм уже запустился, и остановить его было невозможно.

Что-то щёлкнуло — громко, решительно, — и раздался низкий гул, от которого задрожал пол под ногами. В центре помещения началась активация: из пола медленно, с шипением и металлическим лязгом поднялась странная конструкция — пьедестал из тёмного металла,

испещрённый светящимися линиями, похожими на вены живого существа, на карту кровеносной системы. А на нём, в самом центре, лежал артефакт. Он был квадратный, размером с ладонь, покрыт непонятными узорами, которые будто шевелились и перетекали друг в друга, и мягко светился изнутри — ровным, тёплым светом, от которого веяло чем-то древним и одновременно знакомым, родным, словно Саша видел его когда-то во сне, в другой жизни, которую не помнил. Сердце замерло, пропустило удар. Во всём этом огромном помещении, среди военных установок и шипящих колб, именно этот маленький квадрат казался самым важным — самым живым. Саша не мог отвести от него глаз.

Саша заворожённо смотрел на артефакт, не в силах пошевелиться. Он слышал, как гудит у него в груди сердце, как шумит в ушах кровь, как потрескивает где-то за спиной аппаратура. Сделав шаг вперёд — один единственный шаг на подгибающихся, ватных ногах, — он взял артефакт в руки. По ладони разлилось приятное, густое тепло, как от чашки горячего чая в холодный зимний день, — и артефакт будто отозвался на его прикосновение: узоры на миг вспыхнули ярче, по всей его поверхности пробежала светлая волна, и по телу Саши прошла лёгкая, почти незаметная дрожь — с головы до пят, как будто через него пропустили тонкую струйку тока, не болезненную, а странно щекочущую. Но в этот момент Саша услышал звук — вроде приближающихся шагов, чётких, размеренных, с каждым мгновением всё ближе и ближе. Испугавшись, он торопливо положил артефакт обратно на пьедестал, разжал пальцы, быстро выскользнул из помещения, закрыл за собой дверь — рука не слушалась, кнопки набирались наугад, — и, стараясь не бежать, почти не дыша, вернулся к коллективу, влившись в группу незаметно, как тень. Сердце его колотилось так, что, казалось, разорвётся.

Саша не знал, что в тот момент, когда он взял артефакт в руки, запустился процесс, который изменит его жизнь навсегда, — необратимый, как распустившийся цветок, как полёт стрелы, сорвавшейся с тетивы обратно в небо. Он не знал и того, что артефакт, как оказалось позже, каким-то непостижимым, почти волшебным образом сам оказался в его рюкзаке — будто сам захотел отправиться с ним в Новоград, будто выбрал его среди всех остальных, среди десятков ребят, которые толпились в коридорах института, среди всех этих шумных, весёлых, занятых собой школьников. Саша ещё ничего не знал об этом: ни о том, что лежит сейчас на дне его сумки, переложённое курткой, ни о силе, что ждёт своего часа, спрессованная в маленькой квадратной пластине.

Он просто ехал обратно в отель, устало смотрел в окно на огни вечерней Москвы и всё ещё слышал тот низкий гул, чувствовал на ладони тепло, видел перед собой квадратную светящуюся пластину, покрытую живыми, дышащими узорами. Ребята вокруг шумели, делились впечатлениями, планировали, что купят на память, — а Саша молчал, прижимаясь лбом к прохладному стеклу, и не мог выбросить из головы ни ту дверь, ни холодный запах озона, ни щекочущее тепло, которое будто осталось на его коже. Это был последний вечер его обычной жизни, и он даже не догадывался об этом. Утром всё раскроется — и уже никогда не соберётся обратно, как не собирается обратно разбитое стекло.

Глава 4. Конец экскурсии и возвращение в Новоград

Экскурсия закончилась — впрочем, для Саши она закончилась ещё вчера, в тот самый момент, когда за его спиной мягко закрылась тяжёлая бронированная дверь. Последний день в Москве пролетел быстро, почти незаметно: ребята гуляли по центру, смотрели на Кремль с его красными зубчатыми стенами и золотыми куполами, фотографировались у фонтанов, у блестящих витрин, покупали сувениры для родителей — магнитики, брошки, коробочки с конфетами. Саша шёл вместе со всеми, улыбался, когда кто-то обращался к нему, кивал, даже сфотографировался пару раз на память — но мыслями был далеко, бесконечно далеко. Там, за той дверью, у того светящегося артефакта. Что-то не отпускало его: тёплой тяжестью лежало где-то в груди, под рёбрами, и не давало покоя ни на минуту. Он сжимал в кармане купленную для мамы маленькую брошку с видом Москвы, а перед глазами всё всплывали узоры, вспыхивающие ярче от его прикосновения, и холодный металлический воздух того тайного помещения, в которое он, казалось, попал не случайно.

Обратная дорога, как и дорога туда, была долгой — те же бесконечные километры, те же поля, перелески и полустанки за окном, тот же мерный, усыпляющий гул мотора. Автобус покачивался на неровностях трассы, за окном сменялись пейзажи, а Саша почти всю дорогу проспал — сказывались бессонные ночи, пережитые волнения и та тяжёлая, давящая усталость, что навалилась на него после всего случившегося. Ему снились вспышки света — слепящие и тёплые одновременно, — узоры на квадратной пластине, плывущие перед глазами, и чей-то голос: низкий, спокойный, незнакомый, повторявший одно и то же слово, которое он никак не мог разобрать. Он просыпался на секунду, вздрагивал, смотрел на спящий тёмный салон, на усталые лица одноклассников, на мелькающие за окном огоньки — и снова проваливался в сон, в эти видения, из которых никак не мог выбраться. Ему казалось, что кто-то зовёт его, ждёт его. Но кто и зачем — он не понимал, и от этого становилось тревожно, хотя и любопытно одновременно.

Дома его встретили как героя: мама накрыла стол — пахло жареным и домашним, на скатерти стоял её лучший сервиз, — а отец, присев напротив, засыпал его вопросами про Москву, про институт, про то, что Саша там видел. Саша рассказывал про голограммы, парящие в воздухе, про роботов, бесшумно разъезжающих по коридорам, про огромное здание из стекла и металла, сверкающее на солнце тысячами граней, — рассказывал живо, стараясь ничего не упустить, и родители слушали, затаив дыхание, переглядываясь и улыбаясь. Но ни одного слова про ту дверь. Про неё он почему-то молчал — молчал, хотя язык, казалось, так и просился рассказать, хотя слова сами складывались на языке. Словно язык не поворачивался, словно что-то внутри него, неведомое и сильное, плотно прикрыло эту тему, и Саша сам не понимал почему. Он просто чувствовал: об этом говорить нельзя. Никому. Даже им. Эта мысль пришла откуда-то из глубины и легла, как запрет, на самое дно памяти.

Поздно вечером, когда родители уже легли, Саша разобрал вещи: выложил сувениры на полку, развесил куртку в шкаф, сунул купленные в Москве мелочи — и наконец дошёл до рюкзака. Открыл его, чтобы достать со дна свернутые вещи, — и обомлел. На самом дне, под сложенной курткой, лежал тот самый артефакт. Квадратный, размером с ладонь, покрытый непонятными узорами, которые в тусклом свете комнаты казались почти невидимыми, сливающимися с сумраком. Сердце подпрыгнуло и ухнуло куда-то вниз: Саша отчётливо помнил, как положил его обратно на тот холодный металлический пьедестал, помнил каждое своё движение, каждое прикосновение пальцев. И вот он здесь, у него в рюкзаке. Как? Саша вытащил артефакт дрожащими руками. Он был тёплым, как будто его только что держали в ладонях, и мягко пульсировал, словно живой, — едва заметно, в такт чему-то, чего Саша не мог ни услышать, ни понять, но что явно было связано с ним самим, с его сердцем, с его дыханием.

Саша повертел артефакт в руках, рассматривая узоры при свете настольной лампы, — они казались то ли письменами, то ли древними рисунками, складывавшимися в неведомый, но почему-то манящий узор, в котором хотелось найти порядок, смысл, разгадку. А потом случилось то, чего он никак не ожидал. Узоры на артефакте начали светиться — сначала тускло, едва заметно, потом всё ярче и ярче, разгораясь, как угли, раздуваемые ветром, пока вся комната не залилась ослепительным сиянием, бело-голубым, режущим глаза. Из артефакта вырвался поток света — плотный, живой, направленный прямо в Сашу, — и накрыл его целиком, с головой, как волна накрывает пловца. Всё его тело пронзило тепло, глубокое, горячее, будто он окунулся в тёплую воду после долгой дороги, — а потом резкая, пронизывающая боль, такая, что перед глазами потемнело. Саша не успел даже закричать как следует — только вдохнул, перехваченный болью, и почувствовал, как его тело сотрясает крупная, неудержимая дрожь.

Саша закричал — коротко, хрипло, отчаянно, — выронил артефакт, и тот со стуком покатился по полу, а сам он упал рядом, на холодный линолеум. Голова раскалывалась, будто изнутри били молотом. Каждая клетка тела горела, каждую мышцу сводило судорогой. Саше казалось, что по жилам течёт не кровь, а расплавленный металл — тяжёлый, кипящий, прожигающий насквозь, от кончиков пальцев до самой макушки. Мир перед глазами плыл и мерцал: вспышки света сменялись темнотой, темнота — вспышками, и в этом бесконечном чередовании он слышал собственное сердце, огромным барабаном отдававшееся в ушах. Он с трудом, на четвереньках, подтянулся к своей кровати, вцепился в одеяло, забрался под него с головой, сжался в комок — и провалился в глубокий, тяжёлый сон, полный странных видений, искр и голосов, произносивших слова, которых он не понимал. Ночь тянулась бесконечно, а его тело — тихое, неподвижное, укрытое одеялом — работало, менялось, перестраивалось, как запущенный впервые и уже не останавливаемый механизм.

Наступил следующий день. Серое утро пробивалось сквозь шторы, и Саша открыл глаза, ещё не понимая, где он и что с ним. Он почувствовал себя странно — необыкновенно легко, как будто скинул тяжёлый груз, который носил всю жизнь, как будто из тела вынули что-то лишнее, тянущее вниз, мешавшее дышать. Он потянулся, встал с кровати — и вдруг понял, что до пола стало дальше, чем раньше. Мягко, неуверенно он сделал шаг к зеркалу — и отшатнулся. За ночь его тело изменилось. Он стал выше — заметно, на несколько сантиметров, — плечи шире, мышцы рельефнее, очерченные под футболкой, которой он вчера казался великоват. Из зеркала на него смотрел уже не тот худенький тихоня, каким он был ещё вчера, — а совсем другой Саша, незнакомый и в то же время свой. Он подошёл ближе, коснулся собственного плеча, провёл рукой по лицу, не узнавая себя. Глаза те же, но во взгляде что-то изменилось — что-то новое, чужое и в то же время до боли своё. Он сам не понимал что.

Но это было не главное. Саша повернулся боком, глядя в зеркало на своё отражение, — и случайно посмотрел на стену, на обычную белую стену своей комнаты. И увидел сквозь неё. Он видел соседнюю комнату — мамину кровать, край шкафа, абажур торшера, — видел, где в стенах проходит проводка, жёлтыми и красными линиями, и даже чувствовал электрический ток, текущий по проводам, — тёплым, попискивающим, живым. Его зрение стало совершенно другим, нечеловеческим, — и это было страшно и невероятно одновременно. Мир раскрылся перед ним, как книга, как рентгеновский снимок, на котором видно всё, что скрыто от обычных глаз. Он видел воду в трубах — тёмно-синюю, медленно текущую, — видел искры в проводах, вспыхивающие и гаснущие, видел тепло человеческих тел за стенами — мягкие розовые пятна за гипсокартоном, в соседней квартире. Саша замер, боясь пошевелиться, боясь, что видение исчезнет, — и в то же время боясь, что оно не исчезнет никогда.

Он испуганно заморгал, потёр глаза кулаками — но видение не исчезало. Саша подошёл к стене, осторожно, как к живому существу, потрогал её: стена была настоящей — каменной, холодной, шершавой под пальцами, с мелкими неровностями штукатурки. Но он видел сквозь неё. Видел, как по трубам внутри бежит вода, видел мелкие трещины в бетоне, спрятанные под

обоями, видел, как по проводам под напряжением бегут крошечные искорки — золотые точки, разбегающиеся, как муравьи. Весь мир стал прозрачным, безжалостно ясным, как будто с него сняли кожуру и показали нутро. Это пугало — и одновременно завораживало, тянуло смотреть ещё и ещё, разглядывать скрытое, невидимое, то, что раньше было недоступно. Саша стоял посреди комнаты и смотрел сквозь собственный дом, не в силах ни оторваться, ни понять, что с ним произошло. Внутри всё дрожало от страха, но где-то глубже, в самой сердцевине, вспыхивало что-то похожее на восторг.

Саша собрался, с трудом оторвавшись от стены, натянул куртку и пошёл в школу. Он шёл по знакомой улице, мимо продуктового ларька и гаражей, — и слышал всё: разговоры прохожих за три квартала, отдельные слова, обрывки фраз, гудки машин за километр, даже то, как в подвале дома на другой стороне улицы возится кошка — когти по бетону, тихое мурлыканье, шорох лап. Мир наводнился звуками — резкими, громкими, накладывающимися друг на друга, — и Саше пришлось учиться их отфильтровывать, как учится радист отделять нужный сигнал от помех, крутя ручку настройки. К середине дня он кое-как научился приглушать лишнее, задвигать его на задний план, — но поначалу голова раскалывалась от шума, от этого невиданного, нечеловеческого гула, в котором тонули даже собственные мысли. А когда он зашёл в класс и посмотрел на одноклассников — как они общаются, смеются, переглядываются, шепчутся, не замечая его, как и всегда, — у него резко испортилось настроение. Они жили обычной жизнью: простой, привычной, понятной. А он — он больше не был обычным. И никогда уже не будет.

Начался урок. Сашу вызвали к доске и спросили, как решается пример. Он не знал. Стоял у доски, смотрел на цифры, которые не складывались в голове, — их то и дело сменяли вспышки света и обрывки образов, — и молчал. Сказал тихо: «Не знаю», — и все стали смеяться. Смех прокатился по классу, привычный, знакомый до боли — тот самый смех, который он слышал сотни раз, проходя по коридорам и садясь за свою одинокую парту. Ему было очень обидно: во рту стало горько, в горле встал тугой ком, который не продохнуть. Учитель поставил двойку в журнал и велел садиться. Саша вернулся на место, сжав кулаки под партой, и чувствовал, как внутри закипает злость — злость не на одноклассников, а на себя, на свою слабость, на этот вечный страх и эту вечную робость, из-за которой он не сказал ничего в ответ. Он ведь теперь сильный. Он видит сквозь стены, слышит за километр. Почему же он всё ещё боится? Почему не может ответить, не может заставить их замолчать одним взглядом? Он не знал ответа, и это злило его ещё сильнее.

После уроков Саша вернулся домой в плохом настроении. Настроение было хуже некуда — тяжёлое, мутное, как осенняя вода в лужах, — и он решил выйти прогуляться, проветрить голову, пройти по улицам, чтобы прийти в себя, разогнать мрачные мысли. Проходя мимо парка, где уже темнели голые кусты и шуршала под ногами жухлая листва, он встретил одноклассников. Один из них — парень по имени Кирилл, тот самый, что больше всех любил над ним издеваться, — сразу заметил его и двинулся навстречу. Он начал провоцировать Сашу: толкать в плечо, оскорблять, пытаться задеть побольнее, хохоча и подталкивая локтём остальных, которые сгрудились вокруг, предвкушая привычное зрелище. Саша стиснул зубы и попытался отойти, опустив голову, — как делал всегда. Но на этот раз Кирилл не собирался его отпускать. Он шагнул следом, замахнулся, хотел ударить, — и в этот момент Саша, сам не понимая как, поймал его руку и перехватил её. Пальцы сжались — просто сжались, без всякого усилия, — и Кирилл закричал от боли.

Саша мгновенно разжал пальцы, отпустил его и шагнул назад, ошеломлённый собственным движением, которое произошло как будто само по себе, помимо его воли. Но Кирилл почему-то не удержался на ногах: его качнуло, отбросило назад, и он отлетел на несколько метров, словно от невидимой силы, словно его подхватила и отшвырнула волна. Он грохнулся на землю, раскинув руки, среди жухлой листвы, среди клочьев травы. Вокруг ахнули — кто-то

вскрикнул, кто-то попятился, прикрыв рот ладонью. Саша в шоке посмотрел на свои руки — на обычные руки, которые только что сделали это, — развернулся и бросился бежать, не слыша ни окриков, ни свиста, ни собственных шагов, ни бешено колотящегося сердца. Что это было? Что с ним происходит? Ответа не было — только гул в ушах и мелькающие перед глазами лица одноклассников, искажённые испугом и удивлением. Вечером он сидел в своей комнате, не включая свет, и смотрел на свои ладони, не узнавая их, боясь, что они сделают что-то ещё.

Наступила суббота, выходной. Саша проснулся, почистил зубы, позавтракал, стараясь не думать о вчерашнем, о том, как Кирилл отлетел от его руки, как смотрели на него одноклассники. Потом сел за уроки, но мысли были далеко — они кружились вокруг артефакта, вокруг силы, которая теперь жила в нём, вокруг всего, что произошло за эти дни. Прошло около четырёх часов, и Саша решил сходить в магазин за лимонадом — просто чтобы размяться, выйти из дома, подышать воздухом, сменить обстановку. Он зашёл в маленький продуктовый магазинчик на углу, кивнул знакомой продавщице, прошёл к полкам с напитками и начал разглядывать бутылки, выбирая, что взять. И вдруг — через матовое стекло входной двери он увидел. Нет, не увидел — почувствовал, кожей, всем телом, как по спине пробежало ледяное предчувствие: в магазин входили вооружённые люди. Активировалось его особое зрение, включилось само, помимо воли: он видел их сквозь стены и матовое стекло, видел оружие, спрятанное под одеждой, — тёмные силуэты, напряжённые плечи, хмурые лица.

А вокруг его тела, вокруг рук начали появляться искры — мелкие, голубоватые, потрескивающие молнии, вспыхивающие и гаснущие на кончиках пальцев, как живые. Саша почувствовал, как сила поднимается внутри него, наполняет руки, ноги, грудь, — и понял, что назад дороги нет. Всё, что было вчера, — было только началом. Он незаметно переместился — это произошло быстрее, чем он успел моргнуть, тело сработало само, — и оказался рядом с грабителями. Те начали стрелять: грохот, вспышки, гильзы запрыгали по кафелю. Но около Саши возникла невидимая защита — воздух перед ним будто затвердел, стал плотным, как стена, — и пули упали на пол, сплюснутые о невидимую преграду, со звоном покатались по плитке, как камешки. Из рук Саши вырвались молнии — ослепительные, послушные его воле. Он вырубил грабителей одного за другим, точными короткими разрядами, не глядя на их ошеломлённые лица, обернулся к кассиру — женщине, вжавшейся в угол, — сказал коротко, чтобы она была осторожнее и вызвала полицию, и быстро выбежал из магазина. А потом, уже на улице, молнии вдруг начали поднимать его в воздух: сначала он испугался, задохнулся, взмахнул руками, ожидая, что сейчас упадёт и разобьётся о землю, — но быстро понял, что может управлять этой силой, что она слушается его, как слушаются собственные руки и ноги. Он решил попробовать полететь. Первый раз получилось неуклюже: его качало, бросало из стороны в сторону, он чуть не врезался в дерево, зацепив ветки, обсыпав себя листвой, — но во второй раз уже нормально контролировал свой полёт, чувствуя, куда и как направить силу, как выровнять тело. Он летел над ночным Новоградом, над крышами домов, над освещёнными окнами, над улицами, уходящими в темноту, — и чувствовал свободу, какой не чувствовал никогда в жизни, никакой другой. Ветер бил в лицо, выжимал слёзы из глаз, город сверкал внизу тысячами огней — и Саша впервые за долгое время улыбался по-настоящему. Открыто, широко, свободно. Поздно ночью он вернулся домой, тихо прикрыл за собой дверь, стараясь никого не разбудить, и сел на кровать, не включая свет. Он начал понимать: та сила, что спала в артефакте, теперь стала частью его самого, его крови, его дыхания, его жизни. И он пока не знал, хорошо это или плохо. Но что-то подсказывало ему: это только начало.

Глава 5. Новая жизнь

Вечер застал Сашу за письменным столом. За окном сгущались синие сумерки, на соседних домах одно за другим вспыхивали жёлтые окна, а он сидел неподвижно, не включая лампу, и смотрел на собственные руки, лежавшие перед ним на столе. Сегодня он принял решение — простое, но тяжёлое, как камень, который наконец сдвинулся с места: старая жизнь кончилась, начинается новая. Он больше не хотел быть тем, кого обижают и не замечают, тем, кто прячется за окном, прижимается лбом к холодному стеклу и молча смотрит на чужие радости, как на кино, в которое ему не попасть. Вспомнились школьные коридоры, смех за спиной, пустое место рядом с ним за партой, чужие взгляды, которые скользили сквозь него, не задерживаясь. Вспомнилось, как он глотал обиды, делая вид, что ему всё равно. Хватит, сказал он себе. Он сжал кулаки — и почувствовал, как где-то под кожей что-то зашевелилось: тёплое, живое, наэлектризованное, словно кто-то пролил в его вены искры.

Он медленно разжал пальцы и уставился на них, не веря собственным глазам. По ладоням пробежали голубоватые искры — тонкие, как расчёсанные волосы, — и Саша заворожённо следил, как они перетекают от пальца к пальцу, вспыхивают и гаснут, как живые. Он нечаянно дёрнулся, повернулся к окну — и в ту же секунду из руки вырвался настоящий разряд: ослепительно-белая молния с острыми ломаными краями, которая ударила прямо в стекло. Грохот был такой, что заложило уши, а в лицо брызнул холодный воздух вперемешку с тысячей осколков. Стекло разлетелось вдребезги, и звон, казалось, разнёсся по всей квартире, отражаясь от стен, как колокол. На полу блестела россыпь осколков, за окном кричали вспугнутые птицы, а Саша стоял посреди всего этого, тяжело дыша, и смотрел на свои руки, которые только что это сделали. Он не знал, смеяться ему или бояться. Руки дрожали, но внутри поднималось странное пьянящее чувство, и Саша понял: теперь всё будет по-другому, и назад дороги нет.

В дверь осторожно, но настойчиво постучали, и в щель просунулась голова перепуганной мамы: «Что за грохот, Саша? Ты цел?» Он стоял у разбитого окна, стараясь не смотреть в ту сторону, и выпалил первое, что пришло в голову: кто-то бросил камень, наверное, хулиганы со двора. Мама перевела взгляд с сына на осколки, потом снова на сына, и в глазах её промелькнуло что-то тяжёлое. Она не поверила до конца — это читалось в её лице, — но промолчала. Она и так знала, что с сыном происходит что-то странное: он стал замкнутым, вздрагивал от резких звуков, подолгу смотрел в одну точку, будто прислушивался к чему-то внутри себя. В последние дни он был сам не свой, и она боялась надавить, боялась спугнуть, боялась, что если начнёт расспрашивать — потеряет его окончательно. Она только попросила убрать осколки, пока она найдёт, чем затянуть окно на ночь, и тихо закрыла дверь. А Саша, оставшись один, впервые за долгое время почувствовал жгучий стыд: врать маме было тяжелее, чем разбить стекло.

На следующий день мастер вставил новое стекло. Он долго ходил вокруг подоконника, цокал языком, ощупывал раму и ворчал, что стекло лопнуло странно, без всякой причины: снаружи ни следа удара, а изнутри осколки будто выдавлены на улицу. «Такого я ещё не видел, — бормотал он, закручивая шурупы, — взрыв, что ли?» Саша молчал и смотрел в сторону, делая вид, что увлечён книгой, хотя буквы прыгали перед глазами. Стоило вспомнить вчерашний разряд — и пальцы начинали слегка покалывать, словно напоминали, что сила никуда не делась.

Вечером, когда мастер ушёл, Саша сел за стол с альбомом и карандашом. Он рисовал не просто картинку — он рисовал концепт своего костюма, чертёж будущей жизни. Долго подбирал знак, символ, который станет его отличительной чертой: пробовал круг, звезду, птицу, букву, но ничего не цепляло, ничего не звучало правдой. А потом, почти случайно, нарисовал молнию, разбитую надвое, — знак скорости, силы и свободы, что-то простое, ломаное, узна-

ваемое с первого взгляда. Он перерисовывал её десятки раз, сидел над листом, пока не затекли плечи, пока линия не стала точной, как выстрел, и пока он наконец не остался доволен. Глядя на готовый рисунок при свете настольной лампы, Саша впервые за много дней улыбнулся настоящему.

И в этот вечер он окончательно понял, кем хочет быть. Раньше, когда сила только просыпалась, в голову закрадывались тёмные мысли: можно ведь брать всё, что захочешь, — никто не остановит и не догонит. Можно стать тем, кто диктует правила, тем, кого боятся, тем, кто вечно забирает — деньги, внимание, чужую жизнь, чужие надежды. Но сейчас, глядя на свой нарисованный знак, Саша вдруг увидел себя со стороны и отшатнулся. Он не хотел быть тем, кто убивает и грабит. Он хотел стать символом — спасать слабых, помогать тем, кто нуждается в помощи. В этом он видел теперь своё призвание, и от этой мысли внутри разливалось тепло, как от горячего чая в мороз. Сила дана ему не для того, чтобы брать, а для того, чтобы отдавать. Он впервые задумался об этом всерьёз, и мысль легла на сердце легко и правильно, будто ждала своего часа именно здесь и именно сейчас.

Поздно ночью Саша лежал в кровати, заложив руки за голову, и смотрел в потолок, где дрожал отсвет уличного света. Мысль, родившаяся где-то в глубине души, крутилась и крутилась, не отпуская: «Людям нужна надежда на светлое будущее». Он думал о соседях, о школьниках, которые боятся возвращаться тёмными дворами, о стариках, которых толкают в автобусах, о мальчишках, у которых отбирают телефоны. Кто-то должен дать им надежду. Кто-то должен показать, что справедливость существует. Почему бы не он? Саша закрыл глаза и представил, как однажды город будет смотреть на него с благодарностью, как мальчишки будут рисовать его знак на заборах, как старики будут говорить, кивая ему вслед: «Это наш герой». Не ради славы — ради того, чтобы хоть кому-то стало легче дышать. Под этой мыслью, как под тёплым одеялом, он и уснул — впервые за много дней спокойно, без тревожных снов и ворочаний.

В следующие дни Саша сидел на уроках как на иголках, а по вечерам снова доставал альбом и разрабатывал начальный концепт костюма. Он перебрал десятки вариантов: тёмный, как ночь, — чтобы сливаться с темнотой бесшумной тенью, и яркий, как молния, — чтобы его видели издалека и понимали: помощь уже близко. Рисовал накладки, шлемы, плащи и отбрасывал их один за другим, как шелуху. Главной проблемой оказалась маска: он никак не мог придумать, как сделать её, чтобы она не мешала видеть и дышать, чтобы не запотевала и не сдавливала лицо при резких манёврах. Чертил схемы, вырезал бумажные заготовки, прикладывал к лицу и морщился от неудобства. А потом вдруг отложил карандаш и решил обойтись без маски вовсе. Пусть город видит его лицо. Пусть знают, что за каждым подвигом стоит живой человек, а не безликая тень. Если уж он собирается быть символом, то честным — от начала и до конца.

Пришла ночь — тихая, звёздная, наполненная свежестью. Саша распахнул окно, постоял на подоконнике, вдыхая холодный воздух, шагнул — и полетел. Сердце на секунду ухнуло вниз, а потом мир распахнулся: ветер запел в ушах, улицы ушли под ноги, и он поднялся так высоко, что город стал похож на карту, расчерченную огнями. Он приземлился на крышу самого высокого дома в округе — мягко, почти бесшумно — и стоял там, на самом краю, глядя на ночной Новоград. Миллионы огней, спящие кварталы, редкие машины, скользящие по проспектам в свете фонарей. С высоты город казался другим: спокойным, почти безмятежным, забывшим о своих бедах. Холодный ветер бил в лицо, трепал куртку, а под ногами жило своей жизнью целое море крыш — плоское, тёмное, бесконечное. Где-то там, внизу, спали миллионы людей, не зная, что над ними, на крыше, стоит парень по имени Саша и держит в руках целую новую судьбу.

Времени до рассвета оставалось довольно много: луна ещё не успела уйти за горизонт, хотя небо на востоке уже начинало сереть. Саша стоял, обдумывая, с чего начать свою новую

жизнь, — и вдруг увидел внизу что-то неладное. По широкой улице, задевая бордюры и подпрыгивая на лежащих полицейских, мчалась чёрная машина, а за ней, заливая всё синими вспышками, летели патрульные автомобили. В машине, судя по всему, сидели преступники: они виляли, пытались вырваться, таранили ограждения, — а в салоне был ещё кто-то, кого, возможно, держат силой и кому, возможно, нужна помощь. Саша не стал думать дважды. Он собрался, выпрямился, мышцы напряглись — и он камнем полетел вниз, к стремительной чёрной точке, мчащейся между домов по тёмному асфальту.

Он приземлился прямо на крышу мчащейся машины: кузов вздрогнул, водитель дёрнул руль, но Саша удержался, вцепившись пальцами в рёбра металла, и, наклонившись, заглянул в салон. На заднем сиденье, прижавшись к двери, дрожа всем телом, сидела девушка — руки связаны, в глазах застыл ужас. Саша резко разбил стекло, осколки брызнули внутрь, и дальше всё произошло за несколько секунд: преступники один за другим вылетели из машины — живые, но обезвреженные, выброшенные на обочину точными, мгновенными движениями, где замерли оглушённые. Он освободил девушку, помог ей выбраться, поймал на руки, когда машина наконец встала, упёршись в газон. Но в тот же миг его осветили фары полицейских машин — и он понял, что всё это видели. Патрульные видели. Камеры наблюдения на столбах, повернувшиеся к месту происшествия, видели. С этого момента всё изменилось навсегда.

Наступил следующий день — и начался он совсем не так, как обычно. Интернет гудел: по всем соцсетям разлетелись десятки новых видео про супергероя, который спас девушку из рук похитителей. Люди снимали его на телефоны с балконов, постили в сеть, спорили в комментариях до хрипоты. Одни восхищались, называли чудом, другие сомневались и выискивали подвох, третьи откровенно пугались: кто дал этому человеку право вмешиваться, и кто он такой вообще. Обсуждения разрастались, как снежный ком, и наконец докатились до кабинета прокурора Новограда — Смирнова Андрея Олеговича. Седой, подтянутый, привыкший, что всё в его городе происходит по закону и по плану, он посмотрел записи дважды, потом в третий раз, помассировал переносицу и отдал приказ: найти героя. Или, как он поправил себя, глядя на погасший экран, — преступника. Так, для порядка.

Но в кабинете нашлись и те, кто возразил ему, и голоса их звучали резонно: «Разве преступник может спасать людей? Тем более тот, кто умеет летать?» Смирнов Андрей Олегович задумался. Он был человеком системы, привыкшим к порядку: жизнь казалась ему понятной, пока всё шло по инструкциям — документы, подписи, печати, параграфы. Появление неподконтрольной силы выбивало его из колеи. В его городе появился кто-то, кого он не мог объяснить, и это беспокоило его сильнее, чем он готов был признать даже самому себе. Герой или преступник — в конце концов, это решает закон, а не толпа с телефонами. Он встал, подошёл к окну, посмотрел на вечерний Новоград и подумал о том, что ещё недавно знал здесь каждую улицу и каждую крышу. Законы должны соблюдаться всеми — или не соблюдаться никем. Эта железная формула висела перед ним, как вопрос без ответа.

Глава 6. Геройство

Саша стал надеждой для многих, и это слово перестало быть для него пустым. Он спасал жизни одну за другой — так, как другие дышат или моргают, не раздумывая. То вытаскивал людей из горящей машины на трассе, пока пламя лизало капот, то останавливал ограбление в ювелирном, разбрасывая нападавших по мокрому тротуару, то ловил упавшего с балкона ребёнка в последнюю секунду, то под руку провожал потерявшегося старика через шумный перекрёсток домой. Город заговорил о нём: в газетах появлялись статьи с заголовками в три этажа, в интернете выросли фан-сайты, где выкладывали его фотографии и мемы, школьники рисовали его знак на тетрадах. Но Саша, глядя на всё это из своей комнаты, понимал: рано или поздно ему придётся столкнуться с чем-то гораздо большим, чем обычная уличная преступность — с тем, что проверяет на прочность не силу, а сердце. И это «что-то» не заставило себя ждать.

Вечером, возвращаясь пешком через центр, Саша остановился у двадцатипятиэтажного дома и поднял голову. С верхних этажей доносились крики — резкие, испуганные, женские и детские голоса, похожие на крики чаек над штормовым морем. Бандиты взяли людей в заложники и заперлись наверху, а из распахнутых окон неслись их хриплые выкрики: если им не дадут вертолёт, они перестреляют всех заложников одного за другим. Они были уверены, что их никто не остановит, что люди в заложниках — их железная гарантия безопасности, их живой щит, за которым можно спрятаться. Саша прислушался, сжал кулаки и взлетел — бесшумно, как тень, скользнул между балконами вверх по тёмной стене, и сердце его колотилось ровно и спокойно, как метроном.

В это же время со стороны города подлетели вертолёты — полиция и телевидение. Вертолёты зависли над соседними крышами, прожекторы заматались по фасаду, а операторы нацелили камеры на окна, пытаясь поймать каждый кадр. Дикторы в прямом эфире захлёбывались от волнения, голоса их дрожали, потому что такого никто не видел вживую. Саша в этот момент оказался прямо в поле зрения камеры: он повернулся, и вся страна на мгновение увидела его лицо — обычного парня, освещённого светом прожектора. Дальше камера успела лишь зафиксировать стремительное движение: он вырубил бандитов одного за другим, освободил заложницу, бережно вынес её из окна, а потом взмыл в ночное небо и растворился в темноте прежде, чем кто-либо успел его задержать или хотя бы окликнуть.

Его начали искать по всему Новограду: на дорогах стояли посты, в небе дежурили вертолёты, а по городу ходили слухи один страшнее другого. Прокурор Смирнов Андрей Олегович до сих пор был в шоке от увиденного — он пересматривал запись раз десять, и каждый раз внутри него поднималась волна холодного беспокойства. Советники и подчинённые осторожно советовали не связываться с этим героем: мол, город его любит, а трогать народного любимца — себе дороже. Но прокурор упрямо твердил одно: закон должен соблюдаться всеми, без исключений и привилегий. Он не знал ещё, что очень скоро его мнение изменится — что этот человек в костюме окажется единственным, кто сможет спасти город, когда всё остальное рухнет.

Саша вернулся домой уже под утро, шагнул в прихожую — и замер. Мама ждала его в коридоре, стоя у вешалки, скрестив руки на груди. Она всё видела по телевизору: передачу прервали, показали трансляцию, её сына в объективе камеры на фоне неба. Глаза её были красными от бессонницы и слёз, но лицо — гордым, сжатым в тугую линию. «Ты скрывал это? Ты летал в небе?» — спросила она, и голос её сорвался. Саша спокойно ответил: «Я могу всё объяснить». Десять минут, двадцать — он рассказывал всё по порядку: и про экскурсию в институт, и про странную дверь в конце коридора, и про артефакт, и про то, как проснулся однажды утром другим человеком, чувствуя в пальцах электричество. Мама слушала, не пере-

бывая, почти не моргая, и только в самом конце, когда он замолчал, шагнула вперёд и обняла его крепко-крепко, как в детстве, когда он возвращался с разбитой коленкой.

А тем временем к дому подъехала целая колонна: полицейские машины, военный транспорт, люди в камуфляже с бронежилетами и автоматами наперевес. Сирены ещё не затихли, а двор уже был залит синими вспышками, и соседи жались к окнам, приоткрывая шторы. Они подошли к двери и потребовали открыть. Мама открыла — что ей оставалось делать, — и они начали заходить, заполняя квартиру собой, грохотом ботинок и затхлым запахом железа, обыскивая каждую комнату, шкафы, балкон. Сашу забрали и увезли в участок — молча, без объяснений, под конвоем. В кабинете с тусклой лампой его допрашивали до поздней ночи, задавая одни и те же вопросы по кругу, пока голова не начала звенеть, а слова не превратились в кашу.

В какой-то момент один из следователей навис над столом и сказал жёстко: «Ты хоть понимаешь, что ты опасен для всех?» Саша поднял глаза, посмотрел на него устало и ответил: «Как я могу быть опасен? Я же спасаю людей. Я никому не причинил вреда». Возражение прилетело сразу, будто его только и ждали: «У тебя такие способности. Вдруг ты пришелец, который пришёл нас уничтожить?» Саша не удержался и хмыкнул: «Пришелец, который спасает людей от преступников и бандитов? Серьёзно?» Вопрос повис в воздухе — прямой, простой и почему-то не имеющий ответа. В комнате стало тихо, только лампочка жужжала над головой, как последняя назойливая муха.

Тогда ему сказали: «Объясни, как ты стал таким». И Саша начал рассказывать — спокойно и убедительно, не сбиваясь, словно репетировал этот рассказ всю жизнь. Про поездку в ИНТЕХГЕН, про экскурсию по коридорам, пахнущим озоном и пластиком, про случай на засекреченном этаже, куда его привело чужое любопытство, про вспышку, про странное тепло, разлившееся по телу. Он не выдумывал — он просто связывал разрозненные куски в единую нить, и люди, слушавшие его, постепенно начинали верить. Кто-то едва заметно кивал, кто-то хмурился, но в глубине души они понимали: этот парень не опасен. Он просто хочет помогать — и тот факт, что он говорит это своими руками, сбитыми на тренировках, а не с трибуны, делал его слова почти осязаемыми.

Они поверили. А в стороне, у самой стены, молча стоял человек — один из учёных, бывший военный, как раз из ИНТЕХГЕН. Его звали Алексей Николаевич Кузнецов. Он внимательно слушал всё, что говорил Саша, не пропуская ни слова, и в глазах его горел непонятный огонёк — тёплый, изучающий, чуть настороженный, как у человека, который внезапно нашёл то, что искал всю жизнь. Когда Саша замолчал, Алексей Николаевич отделился от стены, прошёл через комнату, сел напротив него и тихо, почти шёпотом, сказал: «Я могу помочь тебе выйти отсюда. Но при условии, что ты поможешь мне с одним проектом. Договорились?» Саша коротко кивнул и согласился. У него не было выбора — он хотел домой, хотел к маме, хотел в свою комнату, где воздух ещё пахнет деревом письменного стола.

Алексей Николаевич поднялся, подошёл к военным, что-то коротко объяснил им, показал какие-то бумаги — сухие, официальные, с печатями, — и Сашу отпустили. Уже на крыльце, посреди утреннего свежего воздуха, когда хотелось просто вдохнуть полной грудью и забыть всё, как дурной сон, Алексей Николаевич догнал его и сказал: «Это проект про революционный супер-костюм. Он будет включать несколько функций, особенно защиту. Я думаю, тебе это будет интересно. Приходи, покажу». Он назвал адрес, коротко кивнул, развернулся и ушёл, не оглядываясь, а Саша стоял и смотрел ему вслед, не понимая ещё, что только что подписал сделку на всю оставшуюся жизнь.

Саша тогда не знал, что этот человек станет и его наставником, и его самым опасным врагом — что дорога к костюму окажется дорогой к пропасти. Но в тот момент он был просто благодарен: наконец-то его отпустили, наконец-то он снова свободен, и ничто не давит на плечи. Он шёл домой по утренним улицам Новогграда, вдыхал прохладный воздух с запахом

асфальта и кофе из открытых кафе, провожал взглядом редкие машины, и чувствовал, как внутри растёт что-то новое — тяжёлая, тёплая уверенность, которой раньше не было. Мир впервые казался ему открытым, распахнутым настежь, и Саша понимал: впереди не просто жизнь, а настоящее приключение, ради которого стоит жить.

Настя. Обычный день

Настя проснулась от того, что за окном орали дворники — каждое утро одно и то же: грохот железных вёдер, смех, мат, и всё это ровно в семь утра. Она натянула одеяло на голову, полежала минуту, вздохнула и села. В комнате было серо: шторы пропускали совсем мало ноябрьского света, за окном моросил мелкий, противный дождь, от которого на душе делалось тоскливо. Она зевнула, почесала плечо и поплелась на кухню — варить кофе.

Кофе был растворимый, банка уже почти пустая — надо было купить новую, но вчера она забыла, а сегодня лень. Настя насыпала ложку, залила кипятком, понюхала и добавила ещё сахара. Пока кофе остывал, она открыла телефон и пролистала новости — в основном ерунда: кто с кем расстался, новый мем, акция в магазине косметики. Но в ленте мелькнуло что-то другое. Она замерла, прокрутила назад и увидела заголовок: «Таинственный герой снова спас людей в Новограде».

Настя поставила чашку, развернула статью. Там было видео — нечёткое, дрожащее, снятое на телефон с балкона: на фоне ночного неба, на крыше припаркованной машины, стояла фигура в тёмном костюме, а вокруг неё валялись какие-то люди. Фигура повернулась, и на секунду экран осветила голубая вспышка. Настя пересмотрела ролик три раза, хотя второй и третий не добавляли ничего нового. Она смотрела на экран и не понимала: шутка это или правда. Человек, который летает и стреляет молниями? В Новограде? В её городе, где она прожила всю жизнь?

«Бред какой-то», — подумала она, но закладку в браузере оставила. Мало ли.

Потом был обычный день: учёба в университете, пары по дизайну, лекция по истории искусств, на которой она честно продержалась бодрой ровно двадцать минут, а потом уронила голову на парту и задремала. За обедом они с одноклассницей Катей сидели в столовой и снова обсуждали этого героя. Катя была уверена, что это спецэффекты или пиар-акция какой-нибудь компании. «Да ну, Настя, подумай сама, — говорила Катя, ковыряя вилкой пюре, — если бы такие люди существовали, мы бы знали. Это просто вирусный маркетинг. Завтра выйдет реклама энергетика». Настя кивала, но в глубине души не соглашалась. Она видела это видео. Вспышка была слишком настоящей, слишком яркой, чтобы быть компьютерной графикой.

Вечером она вернулась домой, уставшая, налила себе ещё чашку чая, села на подоконник и посмотрела в окно на зажигающиеся огни города. Где-то там, среди этих тысяч огней, летает человек. Где-то там есть кто-то, кто может спасти других. Она не знала его имени, не знала его лица, но почему-то эта мысль её согревала. Она допила чай, закрыла шторы и пошла чистить зубы. Завтра снова пары, снова учёба, снова обычный день. Но от мысли, что в этом городе есть что-то необычное, на душе становилось теплее.

Настя. Случай в торговом центре

Настя не любила большие магазины. Всегда толпа, всегда очередь, всегда кто-то наступает на ногу. Но сегодня пришлось — ей нужно было купить подарок маме на день рождения, и она решила, что лучше перетерпеть, чем потом бегать в последний день. Она зашла в торговый центр, поднялась на эскалаторе на третий этаж и уже подходила к магазину косметики, когда услышала крик.

Сначала она подумала, что кто-то уронил что-то тяжёлое. Но крик повторился — громче, злее, и Настя увидела, как люди в зале начали оборачиваться и отступать к стенам. Двое мужчин в чёрных масках стояли у ювелирного прилавка, и один из них держал в руках что-то блестящее, похожее на пистолет. У Насти внутри всё оборвалось. Она замерла посреди зала, не думая спрятаться, и смотрела, как один из мужчин схватил продавщицу за руку и дёрнул её на себя.

А потом произошло то, что она потом долго не могла вспомнить точно. Откуда-то сверху, с потолка, раздался гул, и в зал влетела фигура в тёмно-синем костюме. Никто не успел ничего понять: фигура оказалась рядом с мужчинами быстрее, чем Настя успела моргнуть, раздались два глухих удара, и оба нападавших осели на пол, как тряпичные куклы. Пистолет со звоном покатился по плитке. Настя стояла, зажав рот ладонью, и смотрела, как человек в костюме наклонился, поднял пистолет, положил его на прилавок и обернулся.

Она увидела его лицо. Это был совсем молодой парень — её ровесник или чуть старше. На секунду их взгляды встретились, и Настя вдруг почувствовала, что у неё ёкнуло сердце. Не от страха — от чего-то другого, тёплого и странного. Она узнала его. Это был тот самый герой с того видео, тот, о ком говорила вся лента новостей. Он смотрел на неё, и в его глазах было что-то такое, от чего у неё перехватило дыхание.

А потом он поднялся в воздух, развернулся и улетел — просто оторвался от пола и растворился где-то под потолком. Люди вокруг начали приходить в себя, кто-то кричал, кто-то плакал, кто-то снимал на телефон. А Настя стояла на том же месте и смотрела в пустоту, туда, где только что был он. Его лицо она запомнила до мелочей: тёмные волосы, внимательные глаза, лёгкая щетина на подбородке. Она не знала, кто он, откуда он и как его зовут. Но что-то подсказывало ей, что они встретятся снова.

Глава 7. Сотрудничество

В мае Саша встретился с Алексеем Николаевичем в лаборатории в Новограде, на окраине, где город постепенно переходит в промзоны и тихие пустыри с высокой травой. Лаборатория располагалась в подвальном помещении старого дома с потрескавшимися фасадами, но стоило спуститься по узкой лестнице и толкнуть тяжёлую дверь — и мир менялся: внутри было напичкано оборудованием не хуже, чем в институте в Москве. Светящиеся панели вдоль стен, длинные столы, заваленные чертежами и схемами, гибкие манипуляторы, точные 3D-принтеры, гудевшие в углу, словно большие пчёлы. Воздух пах металлом, озоном и чем-то едва уловимо химическим, как в школьном кабинете физики, только во много раз сильнее. Саша с порога замер, огляделся и почувствовал себя как в другом мире — мире, где его сила имела право существовать всерьёз.

Они начали разрабатывать костюм. Параллельно Саша делал себе базовый костюм — тот, в котором выходил на ночные улицы, тот, что стал его второй кожей. Первым делом он сел за стол с карандашом и линейкой и составил подробный план: пропорции, материалы, застёжки, карманы для мелких вещей — туда, например, удобно класть телефон или перчатки. Потом начал делать каркас: металлическую основу, на которую ляжет ткань, подгонял крепления, гнул, примерял, снова гнул, пока каркас не сел по плечам, как влитой. Работа шла по вечерам, после школы, когда город за окном лаборатории темнел и затихал, и Саша любил эти часы — тихие, сосредоточенные, наполненные запахом металла и озона, когда слышен только стук молотка, шорох наждачной бумаги и собственное дыхание.

Однажды Алексей Николаевич подозвал Сашу к себе, развернул перед ним голографический экран — тонкую светящуюся панель, на которой, мерцая, всплыл трёхмерный чертёж: «Подойди сюда. Посмотри, как тебе план по костюму?» Саша шагнул ближе, и у него перехватило дыхание: костюм с усиленной защитой груди, гибкими суставами, похожими на суставы стрекозы, и встроенными энергетическими элементами, от которых по линиям чертежа бежали тёплые световые импульсы. Он рассматривал детали, поворачивал голограмму пальцем, мысленно надевал её на себя, и не находил ни одного слабого места. Саша поднял голову и одобрил: планы были действительно впечатляющими, один функциональнее другого. У Алексея Николаевича был талант инженера — редкий, почти музыкальный, — и Саша учился у него с удовольствием, ловя каждое слово, каждый жест указки над чертежом.

Дома, в своей комнате, Саша сидел за письменным столом и дорисовывал знак на костюме — символ, который должен стать его отличительной чертой, его подписью в небе. Он хотел, чтобы этот знак узнавали, чтобы он внушал людям надежду, чтобы, увидев его на груди летящей фигуры, человек чувствовал: помощь близко. Молния, разбитая надвое, — простая и запоминающаяся, как он и задумал ещё в тот вечер, когда разбил окно. Он выводил её кистью, аккуратно, стараясь не дышать, потом пришил на грудь костюма, надел его и долго стоял перед зеркалом — поворачивался, смотрел под разными углами, привыкая к новому виду себя, к человеку, который смотрел на него из глубины стекла и, кажется, начал ему нравиться.

Наступил новый день — обычный, серый, учебный, но предчувствие чего-то большого сидело в Саше с самого утра, как заноза. Он встал, умылся, сделал свои дела, сел за ноутбук и открыл почту. Алексей Николаевич прислал ему часть деталей для костюма — чертежи и схемы, аккуратно подписанные, с пометками на полях, с расчётами, которые хотелось изучать часами. Саша углубился было в экран, но в этот момент по телевизору, включённому на кухне, прозвучал тревожный сигнал: экстренный выпуск новостей. Взорвался строящийся дом в центре города. Саша услышал слова диктора, замер на секунду, потом захлопнул ноутбук, мгновенно натянул свой старый костюм и вылетел в окно, не дожидаясь лифта.

Уже через десять минут он был около этого дома. Здание горело: пламя вырывалось из окон, как рыжие языки гигантского чудовища, внизу толпились люди в пижамах и куртках нараспашку, выли сирены, мелькали красные проблесковые маячки машин. Саша услышал крики — тонкие, отчаянные — и бросился туда, откуда доносились голоса. Он искал по-настоящему, по-зверски: облазил каждую квартиру, каждую комнату, заглядывал под обломки, разгребал горячие куски штукатурки, прислушивался к каждому звуку, ловил даже скрип сгоревших балок. Дым ел глаза, копоть оседала на лице, но он шёл дальше — шаг за шагом, отсекая страх, как ненужный груз, потому что где-то там, в этом огне, был человек, который ждал именно его.

В какой-то момент потолок обрушился. Саша едва успел увернуться, прыгнул в сторону, пригнулся — и сквозь грохот, сквозь треск и шипение пламени услышал тоненький детский голос: слабый, плачущий, едва слышный. Сердце ухнуло. Он разгрёб обломки руками, обдирая ладони, раскидал балки, которые ещё дымились, — и нашёл девочку под упавшей балкой, в маленьком укрытии, которое, наверное, спасло ей жизнь. Она смотрела на него огромными испуганными глазами, вся сжавшись в комочек, и молчала — от страха у неё не было слов. Саша подхватил её на руки, прижал к груди, вылетел вместе с ней наружу, сквозь дым и жар, и бережно доставил её родителям, которые рыдали в толпе, прорываясь к нему через оцепление. Вокруг хлопали и кричали «Ура!», вспышки камер слепили глаза, а девочка на прощание крепко обняла его за шею, и Саша почувствовал, что всё делает правильно, — что ради вот этого детского объятия он и живёт теперь так, как живёт.

Прошло несколько недель. Саша закончил работу над своим костюмом и теперь смотрел на него, как ребёнок, получивший долгожданный подарок, — с восторгом, недоверием и тихой гордостью. Костюм сидел идеально, был лёгким и прочным, не сковывал движений: можно было взмыть в небо, кувырнуться, резко сменить направление — и ничего не тянет, не жмёт, не мешает. Саша надел его, встал перед зеркалом, поправил знак на груди и почувствовал себя настоящим героем — пусть пока только в отражении, но кто сказал, что отражения не становятся реальностью?

Но в какой-то момент в центре Новограда прогремел новый взрыв. К счастью, никто не пострадал: взрыв раздался на пустыре, в стороне от жилых домов, но эхо от него прокатилось по всему городу, осев в душах людей тяжёлым осадком. Саша взялся за расследование, обошёл место происшествия, осмотрел каждый след, поговорил с очевидцами — и не мог понять, кто это делает. Нет, он догадывался — но не хотел верить, отгонял догадку, как навязчивый сон. И тут неожиданно зазвонил телефон: Алексей Николаевич, голос его дрожал: «Саша, срочно приходи! Что-то случилось!» Саша, не задавая лишних вопросов, быстро собрался и побежал.

Минут через тридцать он спустился в подвал лаборатории — и остолбенел. Внутри произошёл взрыв: всё было перевернуто вверх дном, столы лежали на боку, оборудование оплавилось, чертежи обгорели и почернели, как осенние листья. Воздух был тяжёлым, пахло гарью и расплавленным пластиком. Алексей Николаевич сидел у стены, бледный, с чёрными разводами копоти на лице, и тихо, как заевшая пластинка, повторял: «Украли. Украли». Саша не поверил своим ушам, переспросил, но ответ был прежним. Кто мог сюда попасть? Кто знал о лаборатории? Кто вообще знал о том, что здесь, под старым домом, рождается то, чего не должно существовать?

Через десять минут произошёл ещё один взрыв — уже совсем рядом, за стеной, и Сашу отбросило к стене. Он ударился головой об угол, перед глазами вспыхнули белые круги, и он вырубился. Очнулся он, лёжа среди обломков, с гулкой болью в затылке, и сквозь туман увидел рядом какого-то парня в чёрной одежде — тот смотрел на него сверху вниз, и в этом взгляде не было ни жалости, ни злобы, только холодное любопытство. А потом парень резко исчез, будто растворился в воздухе, оставив после себя лишь зыбкое марево. Приехали пожарные и

полиция: лестницы, шланги, свет фар. Сашу, лежавшего среди обломков и копоти, скрутили, как преступника, и увезли в участок, не слушая объяснений.

В участке ему сказали жёстко и холодно: «Теперь понятно, кто всё это делал». Саша уверял, что ничего не делал, что его подставили, что он сам пришёл проверить, что случилось. Рассказал, зачем пришёл в лабораторию, что увидел, про парня в чёрном, растворившегося в воздухе, — и видел, как ему не верят, как обмениваются скептическими взглядами за его спиной. После долгих разбирательств, когда проверка показала, что взрыв произошёл до его прихода и он действительно не был на месте в момент первого взрыва, его отпустили. Но осадок остался — горький, тяжёлый, как вкус железа во рту после драки, и Саша понял, что у него теперь есть враг, которого он даже не видел толком.

Саша начал расследовать цепочку взрывов по-настоящему. Он осматривал всё, ходил по местам происшествий, разговаривал со свидетелями, перебирал записи камер, но не мог понять главного: куда пропал Алексей Николаевич. Тот как сквозь землю провалился: телефон не отвечал, дома его не было, в лаборатории — темно и пусто. Саша звонил десятки раз, стоял перед его дверью, но слышал лишь тишину. И с каждым днём в нём росло подозрение, которое он гнал от себя, как чуму, — подозрение, что исчезновение наставника и взрывы связаны, и что эта связь приведёт его туда, куда он не хочет идти.

Прошла неделя. Преступники захватили магазин с заложниками в торговом центре, и Саше — через прокурора, официально, сухим тоном — запретили вмешиваться. Преступники обратились по телевизору с экрана: «Если полиция будет вмешиваться, мы поднимем весь город». Они показывали кадры: в одном помещении держат людей в заложниках, связанных, испуганных, а в другом сидят люди с бомбой — большой, в проводах, с мигающим огоньком, от которого нельзя отвести глаз. Угроза была не пустой: город уже успел узнать, что эти люди не шутят.

Саша смотрел на Новоград, который всё больше поглощала тьма. Всё больше взрывов, всё больше страха: люди запирали двери на два замка, боялись выходить на улицу даже днём, магазины пустели, а по вечерам город замирал, как перед грозой. Саша видел это каждый вечер с крыш, и сердце его сжималось. Но он больше не мог смотреть, как творится такое. Он знал: если не он, то никто. Он встал, подошёл к окну, посмотрел на ночной город, где далеко на горизонте мигали тревожные огни, и понял, что выбор уже давно сделан.

Он надел свой костюм, проверил знак на груди, привычно прыгнул в окно и остановился на крыше двадцатипятиэтажного дома, высматривая, где находится захваченный магазин: сердце билось ровно, дыхание было спокойным, как перед стартом бегуна. Ветер бил в лицо, трепал капюшон, под ногами шумел перепуганный город — сирены, голоса, звуки далёких улиц. Саша глубоко вздохнул, собираясь с силами, поймал взглядом нужную точку среди огней и сказал себе: пора. Он шагнул вперёд, оторвался от крыши и полетел — навстречу людям, которые ждали его, даже не зная, что он придёт.

Глава 8. Против них

Саша стоял на самом краю крыши, и ночной Новоград лежал перед ним распластанный — тёмный, настороженный, как зверь, затаившийся перед прыжком. В двух кварталах отсюда полыхали витрины захваченного магазина, и яркий электрический свет бил в небо, будто назло той темноте, в которой засел враг. Он знал, что там держат людей, знал каждым нервом, каждой клеткой своего измученного тела, и сердце его толкалось в рёбра тяжело и ровно — не от страха, а от той звенящей, натянутой, как струна, решимости, которая приходит, когда отступать уже некуда. Ветер гулял по крыше, трогал волосы, трепал полы костюма, остужал разгорячённое лицо, а Саша стоял и молчал, собирая в кулак всю свою волю, все силы, все сомнения, весь страх, весь тот груз, что накопился за последние недели беспокойной, невыспанной, чужой жизни. «Хватит бояться, — сказал он себе вслух, чтобы услышать собственный голос и поверить ему. — Ты теперь Вольт». Слова прозвучали в ночи коротко и твёрдо, как удар кнута, и ветер подхватил их, унёс в темноту, к чужим окнам, за которыми ждали его чужие жизни. А внизу, под самой крышей, зашевелилась милицейская цепь, засвистели фонарики, защёлкали рации — город готовился к штурму, не зная, что штурмовать его придётся одному человеку без погон и удостоверения.

Короткий разбег — и край крыши оборвался, под ногами осталась только пустота, холодная, звенящая, бесконечная, бездонная. Мир перевернулся: ветер ударил в лицо, засвистел в ушах, лёгкие сжало морозным обручем, и сердце на миг ухнуло вниз, как камень, брошенный в глубокий, тёмный колодец. Но падение длилось лишь мгновение — ровно столько, сколько нужно страху, чтобы захлебнуться и утонуть, освобождая место чему-то иному. Энергия поднялась из глубины тела, привычно толкнулась в позвоночник, растеклась по рукам, по ногам, по кончикам пальцев, и он взмыл вверх, рассекая плотный воздух, — уже не падающий человек, а тень, стремительно летящая к чужим окнам. Город промелькнул под ним смазанной полосой огней, асфальт на секунду приблизился, насмешливо блеснул фарами и снова ушёл вниз, в темноту. Впереди, за тонкими стёклами магазина, ждали его чужие жизни, и он летел к ним так, как летят только тогда, когда по-другому уже нельзя, когда совесть давно сделала выбор за тебя.

Он опустился перед стеклянной дверью бесшумно, как падает тень, как ложится на землю ночной туман, и толкнул створку. Внутри было душно, тесно, пахло страхом, потом и нагретым металлом — тяжёлым, тошнотворным запахом чужой беды, от которого у него свело скулы. Десятки стволов разом нацелились на него: длинные, чёрные, наведённые на грудь, на голову, со всех сторон сразу, и в этом выморочном мгновении было что-то почти зримое — острая сеть смерти, натянутая на одного человека. Один из террористов, здоровый, с татуированными до локтей руками, крикнул, срываясь на хрип: «Свали отсюда, а то стрелять буду!» Саша не сдвинулся с места. Он посмотрел прямо в глаза кричащему — спокойно, без вызова, но и без капли страха, — и ровным, почти будничным голосом ответил: «Стреляйте. Но вам же будет хуже». Где-то за спиной всхлипнула женщина, и этот короткий, сдавленный всхлип резанул его сильнее, чем любой приказ, сильнее, чем десяток наведённых стволов. В голове отдельно, трезво, как запись в протоколе, отпечаталась картинка: полтора десятка заложников, прижатых к стене, скукоженных, с белыми от ужаса лицами, и среди них — двое детей, мальчик и девочка, держащиеся за руки.

Лидер кивнул — коротко, как отмашку, как приговор, — и все открыли огонь разом, будто только и ждали этого сигнала. Грохот заполнил помещение, ударил по ушам сплошной, обморочной стеной, гильзы посыпались на кафель дробным, бесконечным дождём, застучали, защёлкали под ногами. Саша стоял в самом центре этого ада и — странное дело — не чувствовал страха, только удивительное, почти электрическое спокойствие, словно всё происходящее

уже было им пережито заранее, в тысяче ночных кошмаров, в сотне тренировок, которые он гнал до изнеможения. Пули долетали до него и отлетали от защитного поля, не причиняя ни малейшего вреда, со звоном падали на пол, как горох, рассыпаясь вокруг него блестящим, медным градом. Кто-то из стрелявших видел такое впервые и давил на спуск ещё яростнее, будто отчаянный грохот мог пробить то, что не мог пробить металл, будто чужое чудо можно было застрелить, как собаку. Но свинец ложился к ногам Вольта холодной чешуёй, и с каждым залпом в глазах бандитов набухала одна и та же тёмная, липкая мысль: их оружие бессильно, их план бессилен, вся их злоба бессильна перед этим стоящим в дыму человеком.

А Саша ждал, пока кончится эта бессмысленная канонада, и внутри у него медленно закручивалась ярость — чужая по природе, но уже своя, горячая, как раскалённая проволока. А потом он двинулся — не побежал, не рванул, а просто пошёл, спокойно и неотвратно, как идёт стена, как идёт гроза. Первого бандита взял за руку и, не останавливаясь, перекинул через спину — легко, будто тот весил не больше мешка с песком; тело глухо ударилось о пол, выбило из лёгких воздух и затихло, а по ногам Вольта пробежала, как по струне, дрожь отдачи. Второму сломал оружие одним резким, будничным движением: автомат выскочил из рук, отлетел в угол бесполезным куском металла, звякнул о кафель, а его владелец скрючился на полу, прижимая к груди раздавленные пальцы и воя от боли. Он не давал им опомниться, не давал выстроиться, занять позицию, перезарядиться — просто шёл сквозь них, и они расступались, падали, отлетали, как кегли. Где-то в подсознании, на самой границе слышимости, он отмечал каждый крик, каждый удар, каждое падение, и от этого ночного счёта становилось спокойнее на душе, потому что с каждым упавшим врагом город становился на шаг безопаснее.

Третьего вырубил молния — короткая, слепящая, ослепительно-белая, от которой у всех, кто успел поднять взгляд, вспыхнуло перед глазами белым, а в ушах остался звон. Он двигался так быстро, что они не успевали реагировать, только мотали головами, пытаясь уследить за размытой фигурой, за чёрно-синим вихрем, что метался между ними, оставляя позади глухие удары, вскрики и падающие тела. Минуты через две всё было кончено. Террористы лежали на полу — оглушённые, связанные, безоружные, — и только сбивчивое дыхание да редкие, жалкие стоны нарушали повисшую в магазине тишину. Стрельба, грохот, крики — всё схлынуло, как вода, оставив после себя звенящую пустоту, запах пороха, щекочущий ноздри, и выбитые из рук чужие жизни. Саша перевёл дыхание, огляделся, механически, по-хозяйски отмечая, что заложники целы, что никто не ранен, что он снова успел. И всё же что-то не давало ему покоя, что-то мелкое и тревожное, как заноза.

И в самый этот миг боковым зрением он уловил движение: лидер, последний из тех, кто ещё держался на ногах, потянулся к поясу, и в его глазах мелькнул безумный, торжествующий блеск. Время будто растянулось, размазалось вязким киселем, и Саша слышал собственный сдавленный выдох, потому что понял мгновенно: до людей, прижавшихся к дальней витрине, он не успеет. Палец главаря уже ложился на красную кнопку детонатора, губы разъезжались в кривой, торжествующей усмешке, и в этой усмешке было всё — отчаяние, злоба и жгучая, почти сладострастная жажда унести чужие жизни с собой. Но тело сработало раньше мысли. Разряд сорвался с кончиков пальцев, сам, без приказа, и Вольт оказался рядом с лидером быстрее, чем прозвучал бы щелчок. Он выхватил детонатор из ослабшей руки, сжал его в ладони, и лицо бандита исказилось — от торжества не осталось и следа. В воздухе звенела тишина, и в ней одиноко, часто билось чужое, испуганное сердце.

Серия коротких, сухих разрядов, треск, запах озона, острая вспышка — и смертоносный механизм превратился в грудку бесполезного мусора, посыпавшуюся на пол обгоревшими, дымящимися осколками. Детонатор падал, вращаясь в воздухе, и вместе с ним падала последняя надежда бандита унести чужие жизни с собой, забрать их в темноту вместе с собственной злобой. Саша поймал взгляд этого человека — пустой, белый, уже смирившийся — и молча отвёл глаза: незачем жалеть того, кто играл чужими жизнями, незачем и бояться его. А где-

то сзади заложники наконец позволили себе поверить, и в тишине раздался первый всхлип — уже не от ужаса, а от облегчения, от той невыносимой радости, когда понимаешь, что жить будешь. Кто-то засмеялся, кто-то забормотал слова молитвы, женщина в углу опустила на колени и прижала ладони к лицу, и этот рваный, живой звук смыл с плеч Саши последнюю тяжесть. Он поднялся в воздух, оторвавшись от пола, и медленно поплыл к выходу, к ночному небу, оставляя за спиной спасённых и обезоруженных людей, разгромленный магазин и запах пороха, который ещё долго, очень долго будет жить в этих стенах.

На пороге он обернулся: заложники уже выбирались из-за прилавков, жались друг к другу, плакали и не верили своему счастью, а у двери толпились полицейские в тяжёлых бронежилетах, не решаясь войти внутрь. Один из них — молодой, с растерянным, осунувшимся лицом, — задрал голову и шурясь от света фонарей, выкрикнул ему вслед: «Да кто ты такой?!» Саша замер, завис в воздухе, глядя сверху вниз на человека в форме. В голове промелькнула короткая, странная мысль: а ведь он и сам толком не знал ответа, не знал, кем стал на самом деле, кем был теперь — человеком, героем или просто тенью, порождённой ночным страхом города. Но тянуть было нельзя, за спиной всхлипывали спасённые, и потому он ответил коротко и ясно, так, чтобы услышали все, до последнего ряда оцепления: «Я — Вольт». Слова упали в тишину, как камень в воду, и разошлись кругами, и полицейский моргнул, открыл рот, но не нашёл, что сказать.

А Саша уже развернулся и улетел, растворившись в тёмном небе над огнями Новограда, как будто его и не было. Сзади остался растерянный оцеп: люди в форме переглядывались, не зная, куда вести протокол происшествия, кого записывать в свидетели, а кого — в герои, и существовал ли вообще тот, кто спас полтора десятка жизней. Спасённые заложники выходили на улицу, жмурились от яркого света, не верили, что живы, и кто-то всё повторял, глядя в небо: «Это был не человек... это был не человек...» Над крышами ещё висела тонкая полоска дыма, подхваченная ветром, и кто-то из полицейских, молодой, смотрел на неё с минуту, а потом перекрестился и опустил голову. А Саша летел домой, и встречный ветер выдувал из головы грохот перестрелки, уступая место чему-то тревожному и новому, от чего он ещё не знал, как избавиться. Он впервые за этот вечер позволил себе подумать, что будет дальше, — и не нашёл ответа, и от этого внутри стало тихо, и пусто, и зябко, как бывает после долгого боя, когда адреналин уходит, а вместе с ним уходит и то, что держало на ногах.

Уже через полчаса репортаж с места событий показали по всем каналам Новограда. Съёмка с дрона, запись из толпы, бегущие по экрану титры, застрявшая в горле ведущей фраза «неизвестный в сине-сером костюме» — всё это видел прокурор Новограда Смирнов Андрей Олегович. Он сидел в своём кабинете с чашкой давно остывшего чая, и сухие, узловатые пальцы выстукивали по столу нервную, сухую дробь. Чай он не пил уже минут сорок, с тех самых пор, как на экране впервые мелькнула размытая фигура, поднявшаяся над крышами, и по спине прокурора пробежал холодок. Он не был трусом, не был новичком — за плечами у него лежали десятки громких дел, десятки выигранных процессов, десятки людей, отправленных за решётку твёрдой рукой, — но такого Новоград ещё не видел, и такого не увидел бы ни один город. Этот безымянный летун действовал вне всяких правил, мимо всех законов, и это было опасно, это было непозволительно, это надо было остановить. Допив холодный чай одним глотком, он поставил чашку на стол и потянулся к телефону, уже заранее зная, что скажет, и заранее злясь на собственное бессилие.

Телефон у Саши зажужжал, когда он уже открывал дверь своей квартиры, и вибрация отдалась в ладонь знакомой, тревожной дрожью. Он поднял трубку и услышал разъярённый голос, который, казалось, был готов прожечь динамик: «Ты что, пацан? Мы тебе сто раз сказали не лезть в эти проблемы!» Прокурор не здоровался и не представлялся — за эти недели они успели привыкнуть к коротким, злым разговорам, к словам, рубленным, как дрова. Саша молча выслушал поток претензий: про самосуд, про то, что он не имеет права, про то, что поли-

ция разберётся сама, без всяких ряженных в костюмах, без всяких самозванных героев, которых никто не назначал. Внутри у него поднялась волна — давно копившаяся, твёрдая, как лёд, как броня, о которую разбивались чужие приказы. Он помолчал секунду, давая голосу остыть, сжимая трубку так, что побелели костяшки, и ответил негромко, но вкладывая в каждое слово весь свой вес: «Вы посмотрите, что творится в городе! То взрывы, то банки грабят, то магазины. Полиция еле справляется. Я помогаю вам».

«И вообще, — добавил Саша, и голос его вдруг стал спокойным, окончательным, как точка в конце долгого спора, — я не собираюсь вас слушать». Он не стал ждать ответа: нажал на отбой, положил трубку, закончив разговор первым, впервые за всё время их короткого, злого знакомства. В квартире повисла тишина, только где-то на кухне мерно, равнодушно тикал старый будильник, будто ничего и не случилось, будто не было ни захваченного магазина, ни пуль, ни детонатора, ни прокурорского крика. Саша постоял с телефоном в руке, глядя на погасший экран, на собственное смутное отражение в тёмном стекле, и почувствовал, как по спине пробежал холодок: он только что поссорился с прокурором, с человеком, который одной подписью мог перевернуть всю его жизнь, перевернуть её с ног на голову, превратить героя в преступника. Но странное дело — страшно не было. Было только глухое, спокойное, почти торжественное удовлетворение человека, который наконец сказал правду, и эта правда оказалась легче лжи, легче любого притворства.

Он понимал, что теперь у него официальные недоброжелатели, понимал, что перешёл черту, за которой его начнут преследовать не только преступники, но и те, кто должен стоять на страже закона. Телефон в руке ещё хранил тепло чужой злости, а в ушах всё ещё звучал прокурорский голос — резкий, давящий, привыкший к беспрекословному послушанию, — и Саша знал, что этот голос не успокоится, что звонок этот был лишь первым из многих, что за ним последуют другие: приглашения, повестки, вопросы, на которые не будет лёгких ответов. Он положил аппарат на стол и долго стоял в полутьме прихожей, не включая свет, не раздеваясь, привыкая к собственным мыслям, к собственному новому положению в этом мире — человека, у которого не осталось тыла. Другого пути не было: город тонул, захлёбывался в волне преступности, страха и взрывов, и кто-то должен был его спасти. Если выбор стоит между тишиной в тёплом кабинете и совестью, чистой перед собой, — Саша уже давно сделал свой выбор, и назад дороги не было, да и не хотелось.

Он стоял у окна, глядя на ночной Новоград, на россыпи огней, которые, несмотря ни на что, продолжали гореть по всему городу, гореть упрямо, как горели всегда, и чувствовал, что где-то там, в темноте, за этими огнями, начинается что-то гораздо большее, чем просто очередная ночь дежурства. Отголоски сегодняшнего боя ещё гудели в теле: ныли плечи, звенело в ушах, на языке остался привкус озона и пороха, а в пальцах — едва заметная, живая дрожь израсходованной силы. Но мысли были ясными и холодными, как ночной воздух за стеклом, и в них не было места сомнениям. Он не знал ещё, что впереди битва, из которой он вернётся другим человеком, что впереди враг сильнее его в три раза, что будут ночи без сознания среди развороченного асфальта и утра, начинающиеся со звонков о новых бедах. Но одно знал наверняка, знал всем телом, до самых костей: он готов встретить всё это — один, против всех, если понадобится, если так будет нужно этому городу. И в этом знании не было ни гордости, ни бравады — только тихая, покойная готовность, как у человека, который нашёл наконец своё место в этом мире.

Глава 9. Первая масштабная угроза

Наступил следующий день. Утро было тёплым: солнце уже поднялось над крышами Новограда, заливало спальню Саши золотистым светом, просачивалось сквозь щели жалюзи и рисовало на полу длинные световые полосы, на которых плясали пылинки. Воздух в комнате пах утренней свежестью и чуть-чуть кофе, который мать варила на кухне, и этот привычный, домашний запах казался Саше почти забытым после недели ночных полётов и взрывов. Город за окном выглядел почти обычным: люди спешили на работу, позвякивая ключами и поправляя сумки на плече; дети бежали в школу, раскачивая портфелями и перекрикиваясь через дорогу; продавцы открывали свои лавки, вывешивая таблички «Открыто». Где-то лаяла собака, где-то заводился мотоцикл, вдалеке прогудела электричка, разрезая утреннюю тишину. Саша почти поверил, что всё действительно закончилось, что та ночная схватка в магазине поставила точку. Он подошёл к окну, отодвинул штору, взглянул в улицу, где люди шли спокойно, не оглядываясь и не шарахаясь от каждого звука. Обычный день. Почти обычный.

Это спокойствие казалось ему хрупким, обманчивым, как тонкий лёд на весенней реке, который трескается от малейшего прикосновения. Саша стоял у окна дольше, чем собирался, и не мог отделаться от неприятного чувства, что тишина слишком сладкая, чтобы быть настоящей, что за ней прячется что-то тёмное. Он мысленно перебирал события последних недель: нападение в магазине, первые вспышки силы, знакомство с костюмом, исчезновение Алексея Николаевича. Всё складывалось в картину, но она не желала собираться до конца, словно пазл, в котором не хватает самого важного, центрального куска. Саша вздохнул, провёл рукой по волосам, чувствуя, как пульс успокаивается, и заставил себя отойти от окна. Мать позвала его завтракать, на столе дымилась тарелка каши, отец шелестел газетой за своим углом стола, и эта обыденность казалась такой драгоценной, что у Саши защемило в груди. Обычное утро, обычная семья. Только кольцо на руке Саши иногда вспыхивало голубым, напоминая, что обычным это утро было лишь на первый взгляд.

В половине первого дня террористы захватили банк в центре города. Саша в это время сидел на кухне, доедал гречневую кашу и листал новости на телефоне, когда телевизор прервал обычную программу. На экране вспыхнула красная плашка «Срочные новости», и диктор дрожащим голосом объявил: вооружённые люди взяли заложников в Центральном банке. На экране показали знакомое здание, чёрные фигуры с автоматами у входа, силуэты людей на полу с поднятыми руками — они сидели на кафедре, прижавшись друг к другу. Сердце Саши пропустило удар. Он бросил ложку, так что та звякнула о край тарелки, рванул в спальню и натянул костюм — ткань послушно облегла тело, затягиваясь на груди, разгоняя по мышцам знакомую, живую дрожь силы. Саша распахнул окно, оттолкнулся от подоконника и взмыл в небо, а ветер сразу бросился в лицо, засвистел в ушах, прижал волосы ко лбу, и через несколько секунд город под ним уже превратился в карту.

Город под ним сжимался до размеров карты: кварталы, крыши, река, мосты, а впереди уже вырастал из серой массы силуэт банковского здания с его знакомой стеклянной крышей. Минута полёта — и Саша уже висел над площадью, где стояли машины скорой и полиции, не решавшиеся приблизиться из-за угрозы для заложников. Он приземлился у дверей банка с тяжёлой поступью, от которой треснул асфальт, и в одно движение выломал дверь — железо жалобно заскрежетало, сорвалось с петель и отлетело в сторону, гулко ударившись о пол. Внутри было темно и душно, пахло страхом и порохом, лампы аварийного освещения давали тусклый жёлтый свет. Саша увидел всё чётко, будто через прицел: заложников, сжавшихся у стен и закрывающих головы руками, и пятерых террористов с автоматами, нацеленными в разные стороны. Времени на переговоры не было. Саша двинулся вперёд — быстрый, бесшум-

ный, как разряд, скользящий по оголённому проводу. Первый террорист даже не понял, что произошло.

Молния ударила в его автомат, выбив оружие из рук с такой силой, что ствол отлетел в угол и звякнул о батарею, а ребро ладони Саши легло на шею нападавшего — и тот рухнул без звука, как подкошенный. Второй попытался развернуться, вскинуть ствол, но Саша уже был рядом: блок левой, захват правой, бросок через плечо, и нападавший впечатался в кафельный пол, застонав от удара. Третий, четвёртый, пятый — вся схватка заняла меньше минуты, а со стороны казалась почти нереальной, как танец, отрепетированный сотни раз. Банковские служащие и посетители лежали на полу, прикрывая головы руками, кто-то всхлипывал, кто-то шептал молитву, кто-то просто тяжело дышал. Вольт двигался среди них, проверяя каждого террориста, заломливая ему руки за спину, и повторял негромко, но твёрдо: «Всё закончилось, вы в безопасности». Снаружи уже ломались в дверь полицейские, и Саша отступил к окну, чтобы исчезнуть так же внезапно, как появился. Он не любил, когда его благодарили, и не знал, что говорить в такие минуты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.